

Тронешь
одного —
и будешь
иметь дело
со всеми.

ДОМ ПРЕПЛА

— — Мэй — —

Мэй
Дом пепла
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70293301
Дом пепла / Мэй: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199080-0

Аннотация

На болотах Нового Орлеана всплывает труп, и последний, кто видел жертву живой – Даниэль Эш. Его семья известна колдовскими корнями, и сам он может чувствовать духов-лоа. Он никого не убивал, но хочет узнать, кто это сделал. Ведь древние силы предостерегают об опасности для его семьи.

Сказка начинается с «однажды, давным-давно». Южная готика начинается с «ты не поверишь в это дерьмо!».

Роман от Мэй, автора популярной трилогии-ретеллинга «Боги в свете неона», в основу которой лёг миф об Аиде и Персефоне.

События романа развернулись в Новом Орлеане: здесь верят в вуду и практикуют колдовство. Отражение реальных городских локаций, детективная линия, семейные сцены, ритуалы и общение с призраками.

Главные темы романа – братские узы, принятие потерь и взаимоподдержка.

На форзаце расположилось генеалогическое древо главных героев.

Иллюстрация на обложке и семейное древо нарисовала художница JeR.

Содержание

0. Чертовы Эши	6
1. Аминь	11
2. Я ваш бог	28
3. Плавающие гробы	46
4. Даже если будешь ненавидеть меня	63
5. Никаких продаж после заката	84
6. Магнолии на костях	105
7. Лучше бы ты умер	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

0. Чертовы Эши

Над Новым Орлеаном бушевала гроза, когда на болотах всплыл труп.

Его могли не найти или аллигаторы сожрали бы раньше, но болота оказались близко к дороге. Парень и девушка направлялись в Батон-Руж, чтобы хорошенько оттянуться в пятницу вечером, когда заметили в грязи человека. Они решили, ему нужна помощь, а едва поняли, что животные успели попробовать его лицо, вызвали полицию.

Детектив Уилл Беннетт подумал, что свидание у парочки явно не удалось. Он бы мог посочувствовать им, как и раздутому, слегка не целому трупу, местами покрытому тиной, но отказался от эмпатии еще лет тридцать назад, когда только начал работать в полиции.

День клонился к закату, но жара не спадала. Рубашка противно липла к спине, темные очки защищали от беспощадного солнца. Уилл вяло отмахивался от moskitов и смотрел на труп и сновавших вокруг полицейских.

Он не любил поножовщину на улицах, терпеть не мог разборки группировок, но больше всего ненавидел именно это. Мутные душные болота с полусъеденными трупами. Особенно в подобном месте.

– Мы знаем, кто это.

Напарница подошла бесшумно и говорила, как всегда, деловито. Джесси собирала волосы в строгий хвост и мало улыбалась. С тех пор как появилась в управлении, слыла тем еще бойцом, вцеплявшимся в дела и доводившим до конца. Порой Уиллу казалось, это она старшая и приставлена к нему как опытный коллега.

– При нем нашлись документы. В водонепроницаемой обложке.

– Везет же!

Джесси посмотрела так, будто не поняла, что он шутит. Или не одобряла шуток. Уилл вздохнул. По опыту он знал, если где-то повезло, значит, дальше полная жопа.

– Бенджамин Тайлер, двадцать восемь лет, журналист в «Таймс-Пик». Живет один в Уэстгейте. Умер меньше суток назад, перерезали горло.

– Прошу, скажи, что тело просто привезли на машине.

– Дождь почти всё размыл, но судя по тому, что удалось обнаружить, его убили прямо здесь, а потом оттащили к болоту.

– То есть кровь была на этой дороге?

– Ну... да, конечно.

– Погано.

Джесси приподняла идеально очерченные брови. Наверняка подкрашивала. Жена Уилла тоже так делала. Он пояснил:

– Это скверное место. Кровь здесь ни к чему хорошему не приводит.

– Я не верю в суеверия.

– Это Новый Орлеан, придется поверить.

Джесси сжала губы, но сдержала хлесткий ответ. В конце концов, о подобном они говорили много раз. Она приехала из Чикаго, где неплохо справлялась, но потом попросила о переводе и оказалась в Луизиане. Сплетники уже почесали языком, что дома у Джесси случился какой-то неудачный роман. Уиллу было плевать, главное, управление нашло отличного сотрудника в лице Джесси, а он – напарницу.

Но верила она в факты и ни во что больше.

– Дурное место, – повторил Уилл, кивая в такт оглуши-

тельному кваканью лягушек. – Кровь на перекрестке.

– Местные тут дьявола вызывают?

Уилл хмыкнул:

– Многие верят, что в Новом Орлеане дьявол может и ответить. Это Марселевый перекресток. Считается, здесь хорошая энергия, чтобы творить ритуалы.

– Вуду?

– Ага. Общаться с лоа, местными духами.

– Думаешь, Бенджамина Тайлера убили лоа? Вряд ли они способны держать в руках нож.

– Мистер Тайлер был здесь не один. Кто знает, чем они занимались и что пошло не так?

Уилл, конечно, был суеверен. Смотря на невзрачный перекресток, от которого отходила грунтовка, детектив невольно скрещивал пальцы в кармане в охранный жест, которому научила мать. Что бы ни думала Джесси, древнее колдовство растекается под кожей местных, просачивается сквозь поры кожи, привлекает лоа, готовых танцевать с чужими душами.

И всё-таки Уилл понимал, что убивают люди. Может, у них за спиной и стоит дьявол, но удар наносит человек.

– Орудие убийства? – спросил Уилл.

– Не нашли. Тело всплыло из-за грозы, нож наверняка на дне болота. Но водолазы сказали, что работать здесь не могут и подробно опишут все причины после нашего официального запроса. Как обычно. Ещё я связалась с «Таймс-Пик», мистер Тайлер сегодня не явился на работу. А вчера ушел

в добром здравии и планировал встретиться со старым знакомым.

– Возможно, его друг. Или потенциальный убийца. Имя известно?

– Даниэль Эш. Двадцать восемь лет, пишет книги и работает в семейной компании. Они дистрибьюторы алкоголя в Луизиане.

– Подождите-ка... Эш?

– Даниэль Нейтан Эш.

– О боже. Проклятье.

Джесси каждый раз морщилась и, кажется, так и не привыкла, что здесь часто поминают и проклинаят бога одновременно.

– Эши, – вздохнул Уилл. – Потомки плантаторов, богатеи из Садового квартала. Но хуже того, всем известно, что они колдуны.

Джесси пожала плечами:

– У меня есть адрес, зададим ему пару вопросов.

Меньше всего Уиллу Беннетту хотелось связываться с Эшами. Он в последний раз глянул на труп и отмахнулся от назойливого москита. История всё больше начинала пахнуть кровью для лоя и жертвенным ромом, которым кропят могилы.

– Чертовы Эши...

1. АМИНЬ

Уилл Беннетт и Джесси Крейн сидели в машине перед нужным домом. Солнце почти скрылось за горизонтом, на улицах загорались огни магазинов и лавок, мерцали фонари.

Уилл не торопился встречаться с Эшем, да и кондиционер в машине работал отлично, а снаружи наверняка только-только свежело. Джесси сосредоточилась на телефоне, считая, что к встрече нужно подготовиться. Уилл сейчас радовался ее вьедливости, которая позволяла немного подо-

ждать в прохладе.

– Престижный район, – хмыкнул Уилл, рассматривая улочку.

В паре кварталов отсюда раскинулся Центральный деловой район, так что квартира должна была стоить приличных денег. Надежное каменное здание, собственная парковка.

Насколько знал Уилл, у Эшей имелся особняк в Садовом квартале, и старик Бернард Эш до сих пор был жив, хотя делами управлял сын Роберт, как подсказала напарница.

– Даниэль его внук, – зачитывала Джесси. – Не женат, живет один. Обучался в семинарии...

– Серьезно? Будет про бога рассказывать?

– Вряд ли. Семинарию он бросил, позже получил степень в области искусства, опубликовал несколько мистических триллеров. Полицией задержан ни разу не был, ни за что не привлекался. В отличие от его младшего брата, у которого богатый послушной список. Мелкое хулиганство, драки, хранение наркотиков.

– Думаешь, он тоже мог быть знаком с Бенджамином Тайлером?

– Если потребуется, мы выясним.

– Не хотел бы я копать под Эшей.

Джесси закрыла телефон:

– Потому что они богаты и пользуются сомнительной репутацией?

Уилл помолчал, собираясь с мыслями. Мимо прошла

стайка людей с фотоаппаратами, наверняка туристы, которые заплутали в поисках Бурбон-стрит.

– Лет пятнадцать назад была одна история, – сказал Уилл. – Нехорошая история. Я стал детективом, живо интересовался делами. Так вот, тогда умер кто-то из Эшей. Вроде бы один из сыновей этого Бернарда. Убийство. Ему пустили пулю в грудь, вроде как случайный грабитель.

– Случайный? – фыркнула Джесси. – С такими людьми как Эши?

– Вот именно, не сходилось. Да и дело было каким-то странным. Но хуже всего, что его замяли. Этот Бернард Эш был тем еще убудком, при деньгах и связях. Черт знает, почему он не хотел толкового расследования смерти сына. Но даже тогда я понимал, что дело дурно пахнет. Так и осталось нераскрытым.

– Вряд ли к Даниэлю Эшу имеет отношение смерть его дяди, – практично заметила Джесси. – Он сам тогда был юнцом.

– Да я не о нем. А о том, что лезть к Эшам так себе идея, а связи у них имеются.

– Мы же ни в чем не обвиняем. Это даже не допрос. Просто приехали поговорить и восстановить последние часы жизни Бенджамина Тайлера.

Внутри дом оказался таким же аккуратным и неуловимо дорогим, как и снаружи. Даниэль Эш жил на последнем этаже, и, нажав на звонок, Уилл запоздало подумал, что неже-

натый парень вряд ли будет торчать дома в пятницу вечером. Но им повезло, дверь распахнулась быстро.

Даниэль Эш оказался невысоким, довольно худым и не особо мускулистым. Он стоял босой, в джинсах и белой рубашке с закатанными рукавами. Темные волосы аккуратно причесаны и казались чуть влажными, будто он недавно принимал душ. Вытянутое лицо, заостренный подбородок, но больше всего внимание привлекали глаза – черные и как будто чуточку нездешние. Они почему-то напомнили Уиллу темную муть болот.

– Добрый вечер. Чем могу вам помочь?

Вежливый мальчик из хорошей семьи. Учившийся в семинарии и получивший степень по искусству. Располагающийся деньгами, чтобы жить в подобном районе.

– Мы из полиции, нам нужно поговорить с вами.

При упоминании полиции многие люди инстинктивно пугались, но Даниэль спокойно кивнул и пропустил детективов в квартиру. За то время, что они успели поработать вместе, обычно именно Джесси вела разговор, Уилл же оставался молчаливым наблюдателем. Отчасти, конечно, потому, что он не умел разговаривать с людьми. В основном потому, что предпочитал смотреть, изучать реакцию собеседника.

Квартира оказалась небольшой студией: пространство со светлыми стенами, деревянным полом и белой мебелью. Без кровати – вместо нее лежал матрас. Другой угол прятался за стеной, видимо, там ванная с туалетом. Кухонная зона от-

делялась барной стойкой. Именно туда направился Даниэль, когда Джесси согласилась на предложенный чай.

Аккуратный хозяин дома.

Джесси уселась на диван, когда Даниэль принес чашки и пристроился в кресле напротив. Он бросил быстрый взгляд на стоявшего Уилла, но ничего не сказал. Тот уже успел осмотреться.

Обычная квартира, которую наверняка обставлял дизайнер. Правда, то тут, то там Уилл видел детальки именно хозяина дома. На полке стояла початая бутылка бурбона и два стакана. Похоже, в одиночестве Даниэль не пил, но, судя по слою пыли на стекле, гости заходили давно.

Одежду Даниэль не раскидывал, несколько книг на полке стояли очень аккуратно. По большей части какие-то художественные альбомы. Тут же пристроилась электронная книга. А рядом с ней – статуэтка Дружищи Христоса из фильма «Догма» с повешенными на него яркими нитями бус Марди Гра.

Над дверью в туалет аккуратно выведенные буквы: «In nomine patris, et Filii, et Spiritus Sancti»¹.

Кажется, Даниэль находил это ироничным и вряд ли возносил молитву, прежде чем пил бурбон.

Когда-то давно Уиллу случилось поработать с напарником, который верил во всякое колдовство. Он рассказывал, куда смотреть. Поэтому Уилл заметил на полу плохо стер-

¹ Богословская фраза «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» (лат.).

тый меловой круг и несколько мелких перьев. Уилл мог поспорить, что хозяин дома знает, как выписать знаки-веве для призыва лоя.

Уилл сел рядом с Джесси как раз в тот момент, когда она сообщала о смерти Бенджамина Тайлера, а Даниэль подтвердил, что это его друг.

– Мы знакомы очень давно. Вместе в семинарии учились. Да, я видел его вчера. Мы выпили в баре и разошлись около девяти часов.

Известие о смерти, кажется, не слишком его потрясло. Глаза чуть расширились от удивления, но в остальном он казался спокойным. Хорошо держал себя в руках, или его правда ничуть это не трогало.

Вот здесь Уилл не мог утверждать наверняка. Ему пришлось пару раз встречаться с богатенькими мальчиками, и он знал, что их отлично дрессируют не показывать эмоции.

Джесси достала из кармана фотографии с моментальной камеры, на которых был запечатлен труп. Не особо приглядное зрелище, зато могло помочь прояснить некоторые детали.

– Посмотрите, при вашей встрече мистер Тайлер был одет в ту же одежду?

На самом деле Джесси больше интересовала реакция Даниэля на фото. Некоторые убийцы не беспокоились, когда им говорили о жертве, но видеть ее, особенно спустя сутки после болота, – совсем другое дело. Наверное, это было не

слишком этично, но Уилл считал, что соперничать лучше будет героям сериалов. В отличие от Джесси, он не воспринимал всех по умолчанию виновными, но и не отрицал такой возможности.

Даниэль взял фотографии и начал медленно их просматривать. С удивлением Уилл понял, что руки у Даниэля заметно дрожат, он едва ли дошел до третьего кадра, когда выронил фото на прозрачную низенькую столешницу.

– Простите... я не люблю... виды трупов.

Даниэль побледнел так, что губы сливались с лицом, сцепил руки вместе, но всё равно было заметно, что его трясет. Он зажмурился, опустил голову и часто дышал, как будто ему не хватало воздуха.

Кажется, Джесси растерялась, поэтому Уилл поднялся и пошел на кухню, чтобы налить стакан воды. Немытых чашек не обнаружилось, они все стояли в шкафчике, рядом с банкой кофе и огромной с солью – для готовки или ритуалов.

Уилл обратил внимание, что чашки одинаковые, кроме одной, с надписью «брату-засранцу». Он взял стакан и налил воды. Когда вернулся, Джесси успела убрать фото, а Даниэль – более-менее прийти в себя. Воду он взял с благодарностью.

Уилл переглянулся с Джесси. Она задала еще несколько вопросов, но по всему выходило, что Даниэль и Бенджамин сидели в баре, потом разошлись – и больше его живым не видели. Предстоит проверить тот бар, может, повезет с камерами.

– Спасибо за помощь, мистер Эш, мы еще свяжемся с вами.

– Просто Даниэль. Мистером Эшем зовут моего отца.

Покинув квартиру Даниэля, Уилл и Джесси молча спустились к машине, причем напарница уже достала телефон и что-то искала.

– Парень точно не притворялся, – заметил Уилл, усаживаясь на сиденье водителя и включая кондиционер. Божественная прохлада! – Я даже подумал, не придется ли вызвать ему врача. Думаешь, он запаниковал из-за того, что знает что-то?

– Возможно.

Ответ Джесси звучал так, будто она не сомневается, что дело в другом. Она еще смотрела в телефон, ловко что-то щелкая. Потом подняла голову на Уилла:

– Или он не соврал и правда не может видеть трупы. Три года назад Даниэль Эш попал в аварию. Он сломал пару ребер и пережил клиническую смерть, а вот его невеста погибла у него на глазах.

– Гм, – ответил Уилл.

Ему стало почти совестно, и в глубине души даже встрепенулось давно забытое сочувствие.

Даниэль долго сидел у окна, уткнувшись в него лбом и наблюдая, как по стеклу ползут редкие капли. Гроза прошла днем, но сейчас тучи решили пролиться небольшим дождем.

Детективы ушли минут сорок назад, а Даниэль никак не

мог заставить себя подняться и начать что-то делать.

Наконец, он взял лежавшие тут же сигареты. Курил Даниэль редко, лишь когда нервничал или хотел отвлечься. Отчасти это помогло, выветрило из памяти фотографии и напомнило о живом Бене.

Он часто улыбался и ни к чему не относился всерьез – в том числе и к магии, которой увлекся в последнее время. Всё хотел, чтобы loa выполняли его желания, и завидовал, что Даниэль так умеет.

– Я родился среди колдунов, – пожимал плечами Даниэль. – Мне было двенадцать, когда дед потащил на кладбище на первый ритуал.

– Аминь! – хмыкал Бен.

Они вместе учились в семинарии, именно Бен постоянно сбегал с занятий и находил травку. Он был одним из тех, кто знал, что Даниэль правда умеет в вуду и колдовство.

Он и сейчас ощущал loa. Весь мир пронизан бестелесными духами, у которых нет сознания как такового. Колдуны могут призывать их ритуалами, заклинать и заставляя исполнять свою волю. Даниэль всю жизнь мог это делать и без обрядов.

Духи всегда рядом с Даниэлем, с самого детства. Отражались в зрачках, оседали на внутренней поверхности черепной коробки, путались в благоухании магнолий.

Они напоминали о доме, о семейном особняке в Садовом квартале. Тот прятался за кованой оградой, скрывался за

разросшимися кустами, цветущими по весне. Ограда не могла скрыть дом, насмехалась над самой возможностью. Так и аромат магнолий утаивал запах крови от старых семейных тайн. Ладан на пальцах матери и шепот ее молитв. Бурбон и разговоры о бизнесе отца. Призрак мертвого дяди и шепот лоя, незримо касавшихся волос на затылке.

Этой весной магнолии едва ли могли справиться с едким запахом лекарств из комнаты деда.

Перед глазами снова возникли фото трупа, что некогда был Беном. Теперь мертвым Беном. Даниэль резко затушил остаток сигареты, ощущая во рту горький привкус и думая, что его сейчас стошнит.

Впусти меня, и никогда не будешь одинок.

Даниэль тряхнул головой, отгоняя навязчивый шепот. Вытащил из кармана телефон и набрал номер брата. Стоит ему сказать, что Бен мертв. Они тоже были знакомы, хоть и не очень хорошо.

Как ни странно, Мэтт ответил почти сразу:

– Дан?

– Бен мертв. Бен Тайлер.

– Надрался и упал в канаву?

– Перерезали горло.

– Звучит ужасно.

– Звучит?

В трубке послышался какой-то шум, Мэтт вполголоса выругался. Потом громче сказал:

– Я слегка получил по голове, поэтому могу так себе соображать. Кто его убил? Ты?

– Нет. Где ты?

– Недалеко от Церкви.

– Сейчас буду.

Мэтт что-то возразил, но Даниэль уже выключил телефон. Он знал, что Мэтт не любит, когда он включает заботливого старшего брата, но Даниэль ничего не мог с собой поделать. Он уже видел один труп сегодня, и этого достаточно.

К тому же он не хотел оставаться в квартире.

Болота не затихали, а ночью казались даже оживленнее, чем днем. Может, потому что люди наконец-то отступали к домам, предпочитая не соваться в обманчивую тьму.

Даниэль стоял в низкой траве, вглядываясь вперед. Лунный свет очерчивал стволы кипарисов и свисавший с их ветвей испанский мох, шел запах гнили и плотный стрекот множества насекомых.

Они не очень волновали Даниэля, а накинутая кожаная куртка защищала от назойливых moskitov.

Даниэль слушал loa.

Невидимые духи, которые должны доносить просьбы людей до богов. Loa, принимавшие жертвенный ром, но лучше всего лакавшие живую кровь. Взрежь горло курице, окропи свой алтарь, прикажи loa – и надейся, что твоя воля окажется достаточно сильна.

Даниэль ощущал loa всю жизнь и не сразу узнал, что это

вообще-то ненормально. Вот и теперь он чувствовал их вокруг, скользящих, едва касающихся кожи, не осязаемо, конечно, но волоски на руках вставали дыбом.

– Дан?

Обернувшись, Даниэль вернулся к дороге, где оставил мотоцикл. Мэтт прислонился к нему, попивая что-то из фляжки. Младше на пять лет, внешне он походил на Даниэля – и на отца, хотя такое сравнение точно бы отверг. Всегда в черном, сейчас он съежился, как от холода. Но вскинул голову и смотрел почти с вызовом, словно это он приехал, а не Даниэль нашел его здесь... слегка потерявшимся, с разбитыми костяшками и рассеченным лбом, кровь из которого почти заливала глаз.

Теперь над бровью Мэтта красовался пластырь, а Даниэль в очередной раз порадовался, что возит с собой аптечку.

– Как ты здесь оказался? – спросил Даниэль.

– Должен был встретиться с девушкой, передать кое-что. Она с друзьями тусовалась в Церкви.

Чуть дальше по дороге стояла полуразрушенная церковь с покосившимся крестом. Ее бросили лет двадцать назад, и она стала любимым местом для сходок с алкоголем.

На обочине валялся распотрошенный матрас и что-то вроде старого кожаного сиденья. Даниэль понятия не имел, их кто-то притащил или попросту выкинул, но уселся.

– Фу, – поморщился Мэтт. – Может, на нем кто-то умер.

– Ты бы почувствовал.

Как Даниэль с детства ощущал лоа, так Мэтт видел призраков. Правда, в отличие от брата, яростно отрицал свое наследие.

Он вздохнул и уселся рядом с Даниэлем:

– Мог и не приезжать.

– Мог и поблагодарить.

– Ты же знаешь, какой я говнюк, – Мэтт пожал плечами.

Даниэль хлебнул из фляжки, и оказалось, это обычный чай с горькими травами. Видимо, один из тех настоев, что прочищал мозги или придавал сил. Мэтт любил смешивать травы и вечно таскал с собой что-то подобное. Большинство таких чаев помогали ему меньше видеть призраков.

– Почему ты их не принимаешь? – спросил Даниэль. – Чем упорнее бежишь от призраков, тем яростнее они нагоняют.

– Ой, не нуди. Что там с Беном?

– Мертв. Ко мне приходила полиция. Кто-то вскрыл ему глотку на Марселевом перекрестке.

– Что он там делал?

– Вызывал духов, конечно.

Хмыкнув, Мэтт откинулся на матрасе на руках и вытянул ноги.

– У Бена возникли проблемы, – сказал Даниэль. – С какой-то женщиной. Он хотел попросить помощи лоа. Упрашивал меня провести ритуал.

– А ты?

– Отказался. Если он не может поговорить с женщиной,

духи тут не помогут. Хотя не уверен, что он рассказал мне реальную причину.

– Он же был твоим другом.

Даниэль пожал плечами:

– Мы вместе учились в семинарии, его родители упекли, думали, он исправится.

– Не то что ты, сам туда рвался.

Мэтт отвернулся, даже не пытаясь взять фляжку. Даниэль хотел ответить, но подумал, что сейчас не лучший момент. Он хорошо помнил, как приехал домой на первые каникулы после отъезда в семинарию. Мэтт встретил его хмурым, насупившимся и сразу заявил:

– Ты бросил меня!

Даниэлю так и не удалось доказать, что это не так. Он хлебнул еще горькой настойки из фляжки и продолжил:

– В тот вечер Бен хотел с кем-то встретиться, кто проведет ритуал. На нем и умер.

– Его убили лоя?

– Они духи. Нож держал человек. И я хочу выяснить, кто это был.

– Зачем?

– Такой человек среди нас опасен.

Даниэль не мог толком объяснить. Он чувствовал... беспокойство. Оно притаилось под лопатками, пронизывало позвоночник, свербило в затылке. Плохое предчувствие.

Когда кого-то из Эшей мучило плохое предчувствие, к

нему стоило прислушиваться.

– Попроси лоа найти, – Мэтт наконец-то перехватил фляжку.

– Не сработает.

– Даже у тебя? Ты единственный, кого я знаю, кто может приказывать лоа напрямую. Они выполняют просьбу.

– Они не знают, кого искать. Они же не псы, чтобы взять след.

– А жаль.

– Справимся человеческими силами. Может, полиция что найдет.

Мэтт фыркнул, выражая этим всё, что он думал о полиции. Он в них не особо верил. Хотя он в принципе ни в кого не верил.

– Так, значит, ты тут из-за девушки, – хмыкнул Даниэль. – Хотя они, я так понимаю, тебя бросили и уехали. Неужели у тебя начала появляться личная жизнь?

– Я ее едва знал.

– Но полез из-за нее драться.

– Не совсем. Отделал ее никудышного братца, раз он там оказался. Он заслужил. И получил больше меня.

Даниэль вздрогнул. И оттого, что это оказался чей-то брат, неужели Мэтт всех братьев считает никудышными? И оттого, что сегодня видел на фото. Мертвое тело с распахнутым глазом, а на месте второго – обглоданный череп.

– Я же его не убил, – заявил Мэтт.

Он легко к этому относился. В отличие от Даниэля, которому пришлось пару раз глубоко вздохнуть, отгоняя мысли о гниющих трупах.

– Лучше бы нормальную девушку нашел.

Вышло грубовато, зато меняло тему. Даниэль поймал себя на том, что вцепился руками в матрас, из которого торчал наполнитель. Когда Мэтт протянул фляжку, Даниэль покачал головой. Он не был уверен, что его руки не будут дрожать.

– У меня есть Хэйзел, – сказал Мэтт.

– Ты с ней еще со школы знаком.

– Пусть мы друзья, но готовы помочь друг другу скоротать вечер.

– Она тебе отсасывает по дружбе?

– И где ты научился таким выражениям?

– В семинарии.

Даниэль вздохнул. Его и правда несло не в ту сторону, и Мэтт не был в этом виноват, не стоило срываться на нем. Хотя отрицания брата Даниэль не понимал:

– А если бы здесь оказался какой-то призрак? Пока тебя кинули, чуть не проломив череп. Бегать от призраков так себе идея. Ты можешь посоветоваться с отцом или дедом...

– Пусть катятся к черту. Все Эши.

– Ты тоже Эш.

– А жаль.

– И я Эш.

Мэтт не ответил, смотря перед собой и сжав челюсть. Потом пробормотал что-то вроде «это другое». Даниэлю казалось, что брат так отчаянно хотел стать самостоятельным, что почему-то решил: к этому относится и разрыв связей с семьей. По крайней мере, со старшим поколением.

– Позвони завтра сестре, – вздохнул Даниэль. – Она соскучилась.

Рассеянно кивнув, Мэтт поднялся на ноги. Он медлил, как будто не решался что-то сказать, но всё-таки спросил:

– Можно переночевать у тебя?

– Конечно.

2. Я ваш бог

– Почему у тебя нет еды?

Даниэль вышел из ванной и спрятал зевок в кулаке, прежде чем посмотреть на Мэтта. Тот стоял перед раскрытой дверцей холодильника и, нахмурившись, смотрел в его полупустое нутро.

– Почему нет? – удивился Даниэль. – Есть сыр.

– Плавленый. Для сэндвичей. Предлагаешь его есть?

– Так хлеб...

– Я его выкинул. Испугался, что плесень на меня нападет.

Даниэль пожал плечами:

– Вот видишь. Хлеб всё-таки был.

Захлопнув холодильник, Мэтт вернулся к стоявшему на плите кофе. Он предпочитал варить сам, игнорируя наличие кофемашины. Даниэль уселся на стул и положил голову на ладони, наблюдая за братом.

– Я редко ем дома.

– Почему? Ты же умеешь готовить.

– Одному это не очень интересно.

Когда-то Даниэлю нравилось варить кофе для Анаис и готовить для нее ужины. После ее смерти купил кофемашину.

В свою чашку Даниэль налил побольше молока и глянул на черный кофе Мэтта:

– Не понимаю, как ты его таким пьешь.

– Бодрит. Может, и тебе попробовать. Похож сейчас на зомби, встал, но не проснулся.

Даниэль снова пожал плечами и пригубил кофе. На самом деле сегодня он спал лучше, чем несколько ночей до этого, но в бессоннице не было ничего необычного. Иногда она случалась.

На диване еще лежало комком постельное белье Мэтта. Он так и не объяснил, почему захотел тут переночевать, но Даниэль не возражал. Наоборот, ему нравилась компания.

Когда Мэтт ушел из дома, ему было лет восемнадцать и первое время он жил у брата, так что квартиру эту знал пре-

красно. Он до сих пор иногда заходил и даже оставался, и Даниэль любил эти дни.

Правда, вчерашний вечер омрачили мысли о Бене и его странной смерти. Зато была пицца. Даниэль не рассказывал Мэтту, но пиццу ел только с ним, зачем-то сделав это особым ритуалом.

– Ты сегодня... – начал Даниэль, но Мэтт его перебил.

– Мне на работу к обеду.

– Суббота же.

– Моя смена в книжном, просили подменить.

Даниэль рассеянно кивнул. Он не успел что-то сказать, потому что раздался стук в дверь.

– Кого-то ждешь?

– Может, полиция выловила еще один труп и вернулась.

Даниэль терпеть не мог людей, которые игнорировали звонок, висевший не с той стороны двери, и стучали. В конце концов, двадцать первый век, цивилизацию в город завезли давно, а многие до сих пор варварски стучат!

К удивлению Даниэля, на пороге квартиры оказалась девушка. Симпатичная, в длинном бархатном платье пурпурно-сливового цвета. На груди медальон: Непорочное сердце Марии, пронзенное мечами скорби. Символ милосердия.

Волосы отливали медью и раньше явно были собраны на затылке, но сейчас растрепались, и длинные пряди падали на шею и плечи.

Взгляд девушки казался то ли испуганным, то ли ошара-

шенным. Большие ореховые глаза выделялись на бледном лице.

– Мистер Эш?

– Даниэль.

– У меня есть дело... Даниэль. Ты можешь помочь. Мне рассказала о тебе мадам Аделаида.

Чернокожая жрица вуду с глухим голосом. Она любила распевать собственные песни, чтобы призывать духов. Даниэль знал: она веселит лоа, и те приходят танцевать с ней. Он сам несколько раз помогал мадам Аделаиде с ритуалами, а она гадала для него на остатках травяного чая.

Не в привычках мадам Аделаиды рассказывать о Даниэле, но он всё равно встречал слишком много людей, которые, как Бен, считали, что колдовством можно решить любую проблему. А Даниэль-то точно проведет для них ритуал и вызовет лоа, надо всего лишь заплатить.

– Думаю, вам лучше обратиться к кому-то другому.

– Нет! – В голосе девушки послышалось отчаянье, она качнулась вперед, чтобы помешать Даниэлю закрыть дверь. – Я обратилась к мадам Аделаиде, и она сказала, что не сможет помочь. Только вы.

– А что нужно-то?

– Дело касается лоа... и моей бабушки. Проще показать. Это на окраине.

Даниэль нерешительно оглянулся на Мэтта, и тот махнул рукой:

– Мне на работу. Ключ от квартиры есть, закрою, когда буду уходить.

Кивнув, Даниэль повернулся к незнакомке:

– Ты на машине, пешком?

– Такси.

– У меня мотоцикл. Имеешь что-то против мотоциклов?

Он глянул на ее длинную юбку, но девушка задрала подбородок:

– Справлюсь.

Новый Орлеан душил жарой и влагой, ветерок иногда доносил аромат цветущих магнолий из Садового квартала. Солнце всюю припекало, как Даниэль ни старался держаться в тени. Машин на дороге в субботу оказалось немного, так что добрались быстро.

Поставив мотоцикл, Даниэль прищурился, разглядывая домик с облупившейся краской. Вдоль дороги виднелось жилье соседей, в кустах копошилась курица, а с другой стороны виднелись деревья и наверняка болота. Аккомпанемент лягушек заглушал даже монотонный стрекот насекомых на одной ноте.

Вчерашний дождь высох, но под крышей в тени осталась небольшая лужица. Почти рядом с ржавым остовом машины с соседнего дома: ни стекла, ни внутренностей не было, а дверца стояла снятой и прислоненной.

Печальный блюзовый голос выводил на хрипящем приемнике песню: «Встретимся там, где поют цикады и прошлые

мечты касаются затылка».

– Ты живешь здесь? – спросил Даниэль незнакомку.

Ее волосы совершенно растрепались, она покачала головой:

– В городе. Это дом моей бабушки, но я часто здесь бываю.

Она взбежала на крыльцо и перед двойной дверью с сеткой посмотрела на Даниэля, который не торопился. Он ощущал что-то странное в этом доме. Неуловимое. Подошел к стене, но спросил о самой девушке:

– Как тебя зовут?

– Шарлотта. Стоило сразу представиться... но я хотела, чтобы ты приехал как можно быстрее. Идем!

– Подожди.

Ладонь Даниэля легла на разогретые солнцем доски дома. Тут же он услышал неясные шепоты и ощутил множество лоя, которые принадлежали этому месту. Он отдернул руку.

– Никогда не видел ничего подобного, – пробормотал Даниэль. – Десятки лоя! Как тут можно жить?

Шарлотта спустилась на несколько ступенек, почти оказавшись на земле. Мимо нее с важным видом прошла курица.

– Это началось после смерти деда. Моей семье далеко до Эшей, но я раскладываю Таро, иногда развлекаю туристов на улицах. Бабушка с дедом умели кое-какие ритуалы, у них магазинчик. Когда дед умер, бабушка была у подруги в Алек-

сандрии. После похорон я начала ощущать тут странное. Но сегодня...

Она тряхнула головой и решительно вошла в дом, Даниэлю оставалось последовать за ней.

Через окна с занавесками проникало достаточно света. Дом оказался удивительно уютным, полным старых вещей и с отслаивающимися под потолком обоями в цветочек. Видно, что всё здесь любили и о доме заботились – по мере сил, которых не всегда хватало.

Даниэль миновал короткий коридор, не стал заглядывать на кухню и мельком заметил лестницу. Вышел в гостиную, которая занимала почти весь первый этаж. Довольно захлапленная, со старой мебелью и дверью во двор. Комод покрывала вязаная скатерть, над ним висели несколько распятий. У стены – софа с темным пятном на обивке.

Больше всего внимания привлекала старушка в аккуратном ситцевом платье.

Она сидела на полу в вычерченном мелом круге со знаками, в паре мест стертymi, наверняка Шарлотта там садилась. Она и сейчас устремила к женщине:

– Бабушка! Ты меня слышишь?

Седые волосы распущены, глаза закрыты, дыхание спокойное и размеренное. Она не откликнулась, когда Шарлотта теребила ее за плечо. А на маленьком морщинистом лице не дрогнул ни единый мускул.

– Я нашла ее так! – с отчаянием сказала Шарлотта, не уби-

рая руку с плеча бабушки. – Хотела вызвать врача, но эти знаки... и я почувствовала что-то. Позвала мадам Аделаиду. Она сказала, бабушку увели лоя. Но ей с таким не справиться.

Даниэль рассеянно кивнул. Если бы у него не было тесной связи с лоя, он бы и сам не ручался, что смог что-то сделать. Даже сейчас не был уверен.

– Мне нужны масла, какие были у твоей бабки, и нож. И курица.

Шарлотта ушла за необходимым, а Даниэль внимательно осмотрел комнату. Отмахнулся от лоя, которые вились рядом. Подобрал мел и поправил стертые знаки, чтобы они работали. Круг был очерчен вокруг софы, Даниэль узнал вева Геде – знак лоя смерти.

Отойдя к комоду и распятиям на стене, Даниэль приблизил ладонь к обоям, но не стал касаться. Лоя умели вселяться в предметы, растения, животных. В дома тоже. Но это был бы один дух, а тут теснилось множество! Как будто их призывали, привязывали, но бездумно, преследуя на самом деле иную цель.

Лоя впитались в стены дома, теснились, будто мухи на липкой ленте.

Даниэль глубоко вздохнул. Его взгляд блуждал по развешанным распятиям, а сознание уже настраивалось на работу с духами. Что-то вроде транса, в такой входили все колдуны, чтобы связаться с лоя, но Даниэль мог сделать это сразу.

Ему нужно пройти по обряду, который создала бабушка Шарлотты. Понять его – и распутать.

Шарлотта вернулась, зажав под мышкой пеструю курицу. В руках она держала мел и шкатулку:

– Всё, что нашла.

Даниэль не торопился брать. Он стоял, внимательно смотря на девушку, и она казалась растерянной под его взглядом. Мэтт рассказывал, что в такие моменты Даниэль становится почти пугающим для тех, кто его не знал, – слишком отстраненным.

Он уже ощущал своих лоа. Они ластились к рукам, как оставленный надолго пёс, радовались возвращению хозяина.

Шарлотта стояла, и у нее за спиной возвышалась стена из ее святынь – темных распятий. Даниэль чувствовал аромат яблок и вина, запретный плод и причастие одновременно.

Даниэль открыл старую шкатулку из темного дерева и пробежал пальцами по стеклу пузырьков, подписанных аккуратным почерком. Одного масла не хватало, и Даниэль не сомневался, что флакон где-то рядом с бабушкой Шарлотты.

Ему не требовалось общаться с мертвыми. Он выбрал «Масло подчинения». Открыл, вылил несколько капель на ладони и тщательно растер. Оставил пузырек на комодке под крестами, подошел к неподвижной старушке.

– Как ее зовут? Твою бабушку.

– Агата Дюро.

– А деда?

– Джордж Дюро.

– Он умер здесь.

Шарлотта кивнула:

– Один, сердце остановилось. Бабушка уезжала к подруге и вернулась через пару дней. Он просидел на диване всё это время, прежде чем она нашла его.

Взгляд Даниэля зацепился за выцветшую софу с уродливым пятном посередине. Понятно, почему Агата хотела связаться с мертвым мужем именно тут. Этот диван впитал части его тела.

Даниэль нашел спички и зажег оплывшие свечи. Он ощущал восторг лоа, они любили колдовство. А его собственное сердце уже начинало биться в чуть ином ритме, хотя пока Даниэль ничего не слышал.

– *Nic et nunc*², – тихо сказал он.

Лоа замерли в предвкушении. Даниэль чаще всего приказывал им на латыни, когда-то в семинарии это казалось забавным и отдавало юношеским выпендрежем. А потом Даниэль привык.

Он взял из рук Шарлотты птицу, которая встрепенулась, но не пыталась вырваться. Перехватил поудобнее нож.

– Ш-ш-ш, – Даниэль погладил курицу по голове, успокаивая, прежде чем перерезать ей горло.

Быстро сделал разрез, перевернув вниз головой трепыхнувшуюся птицу. Кровь брызнула в первый момент, а потом

² Здесь и сейчас (*лат.*).

начала стекать. Даниэль опустил тушку и нож на пол, предлагая лоя жертву.

При обычном ритуале общения с мертвыми подобное не понадобилось бы, но сейчас воздух был почти плотным от лоя, они стекали по стенам, скрадывали всё, так что вернуть Агату Дюро стало невозможным без по-настоящему сильных ритуалов.

Только на крови.

Лоя прильнули к курице, возрадовались ей. В голове Даниэля зазвучали барабаны: древние ритмы, под которые еще его предки возносили жертвы, стремясь создать связь с лоя. Его семья явно в этом преуспела.

Лоя танцевали вокруг. Сердце Даниэля билось вместе с барабанами, которые он слышал. Комната исчезла, растворилась в мареве и шепоте лоя.

Встретимся там, где поют цикады и прошлые мечты касаются затылка.

Встретимся там, где бьют древние барабаны и лоя принимают к жертвенной крови, лакая ее невидимыми языками.

Даниэль не был уверен, это его собственные слова или шепоты лоя – возможно, отголоски человека, который умер здесь. Его призывы, его надежды, его мечты. Те, что сильнее смерти.

Лоя вились в такт барабанам, но их слишком много. Они такие плотные, что почти лишали дыхания. Зато можно было понять, что произошло: Даниэль ощущал запах скорби,

чувство вины и горечь потери оседали на языке. Агата хотела связаться с мужем – но у нее не вышло. Она случайно призывала лоа, и те оставались в доме.

Пока их не стало слишком много.

Пока они не увели ее собственную душу в путешествие.

Они не могли ее вернуть.

А она не знала дорогу обратно.

Жертвы не хватало. Силы не хватало. Мареву лоа оказалось слишком плотным.

Барабаны бились в висках, Даниэль дышал неглубоко, поверхностно, грудную клетку будто сжимали. Он сам не понимал, как осел на пол. Он мог всё прекратить прямо сейчас, но тогда бы не вернул Агату в ее тело.

Поэтому Даниэль снял с пояса собственный нож с костяной рукояткой. Таскал его с собой, искренне веря, что нет ничего надежнее ножа. Первый подарила ему тётка, когда Даниэлю исполнилось лет семь.

Он коснулся лезвием внутренней стороны руки, чуть выше запястья. Небольшой разрез, выпустить немного крови, а не истечь ею.

Одна из самых сладких жертв – его собственную кровь лоа особенно любили.

Они взвились, барабаны почти оглушали. На этот раз все лоа дома приняли жертву, они затрепетали вокруг него, и Даниэль ощутил среди них душу Агаты.

Он поднялся, стоя перед лоа. Развел руки в стороны.

Он приказывал лоа уйти. Вернуть душу Агаты в тело и покинуть дом. Даниэль больше не просил. Он приказывал, и латинские слова срывались с его губ.

«Слушайте, что я говорю. Повинуйтесь мне».

– Ego sum Deus tuus³, – сказал Даниэль, улыбаясь уголками губ.

Лоа исчезли, отхлынули, будто волна. Его собственные продолжали касаться крови, но все те, которые прилипли к дому, исчезли, ушли, оставили это место. Агата на полу охнула, закашлялась. К ней тут же кинулась Шарлотта, помогая: ноги старушки наверняка затекли от долгого сидения.

Даниэля пошатывало от слабости – после ритуалов он всегда чувствовал себя измотанным.

– Тут есть душ?

– Да, наверху. Твоя рука...

– Принеси, чем можно перевязать.

Напор воды оказался слабым, но Даниэль порадовался хотя бы такому. Ему хотелось смыть ощущения чужих видений и липких ладошек лоа – пусть у них и нет рук как таковых. Его собственные духи затихли, хотя не исчезали насовсем. Они пропитывали сам мир. Возможно, сам мир состоял из них.

Смыв с себя остатки колдовства и выйдя из душа, Даниэль нашел на заправленной кровати аптечку и быстро перевязал руку, благо кровь давно остановилась. Комната была неболь-

³ Я ваш бог (лат.).

шой, очень аккуратной, наверняка спальня. Голова кружилась, тело охватывала слабость, но в каком-то смысле даже приятная. Какая бывает после хорошо выполненной работы.

Даниэль зевнул: садиться за руль точно не стоит. Этот ритуал и лоа были слишком сильными.

Он подумал, что можно позвонить Мэтту... но не был уверен, что брат обрадуется. К тому же он работал. Стоит вызывать такси.

Впусти меня, и никогда не будешь одинок.

Даниэль вздрогнул, очнувшись, когда понял, что задремал. Он потер глаза, не понимая, откуда взялся этот шепот. Он преследовал его недавно, исходил от какого-то лоа, но раньше подобного не происходило.

Он слишком устал.

Отложив аптечку на столик, Даниэль улегся на кровать и тут же провалился в сон.

Он проснулся под вечер.

В комнате царил сумрак, за окном снова припустил дождь, скрадывая ощущения времени и пространства. У Даниэля ушло несколько секунд, чтобы вспомнить, где он. На стене негромко тикали часы, показывая, что проспал он почти целый день.

Рука под повязкой не болела, а вот спина затекла от непривычной постели. Даниэль осмотрелся, но мебель в незнакомой комнате походила на массивные темные глыбы, хотя не вселяла ощущения чего-то мрачного.

Деревянная лестница поскрипывала под ногами, пока Даниэль спускался под шипящие звуки джаза с кухни – похоже, играл допотопный приемник. Он стоял на холодильнике, рядом с которым старушка Агата неторопливо нарезала овощи. Шарлотта сидела за столом и перетирала специи в маленькой ступке.

Они обе улыбнулись ему так искренне и открыто, что Даниэль даже растерялся. Тем более уснул в чужом доме. Потом, правда, вспомнил, что это из-за ритуала, в котором он помог Агате.

– Голоден? – спросила Шарлотта. – Есть гамбо.

За пряным густым супом Даниэль почувствовал себя живым. Шарлотта застенчиво сказала, что они не хотели его будить, и посмотрела на бабушку. Агата кивнула:

– Ты пожертвовал не только кровь, но и свою энергию. Другие не смогли бы совладать с этими лоа, а тебе понадобился лишь ритуал.

– У меня... высокоскоростной интернет, но с посекундной тарификацией. Выматывает больше обычного.

– Ты их видишь? Лоа.

– Чувствую. Но не мертвецов, духов. Дар призраков достался моему брату, а вот с лоа он не очень ладит.

Даниэль догадывался, о чем хотела спросить Агата: были рядом дух ее покойного мужа? Остался ли он где-то здесь или исчез насовсем? Даниэль, правда, полагал, что дело не в том, ушел ли дух, а смогла ли отпустить его Агата. Или он

будет ждать где-то рядом, когда она к нему присоединится: для призраков время не имеет значения.

– Спасибо, Даниэль Эш, – сказала Агата так искренне, что Даниэль смутился. – Без тебя мой дух потерялся бы, а тело умерло.

– Не пытайся больше.

– Да, ты прав. Моего дара недостаточно, поэтому и вышло совсем не то, что я хотела.

Она покачала головой и вернулась к нарезке овощей. Даниэль взял со стола и покрутил в руках звездочку аниса. Сами собой вспомнились слова прабабки, которая утверждала, что анис – цветы дьявола.

Даниэль почти не помнил Корделию Катерину Эш, в его памяти осталась морщинистая кожа, касавшаяся его детской щеки в поцелуе. Будто пергаментом проводили. И тонкие высохшие руки, которые вряд ли часто вертели звездочки аниса. Зато отлично отрезали куриные головы.

Такой прабабка и запомнилась – с кровью на морщинистых ладонях и словами о дьяволе.

Раскрошив меж пальцев звездочку аниса, Даниэль почувствовал его запах. Интересно, так пахнет дьявол?

– Моя прабабка ненавидела анис, – сказал он.

Агата хмыкнула:

– Корделия Эш? Ты помнишь ее?

– Не особо. Мне было пять лет, когда она умерла.

– Она была очень известна в определенных кругах. Во

времена моей молодости ею пугали и рассказывали, будто она призвала и связала сильного лоя, который должен защищать ее семью.

Даниэль пожал плечами:

– Если это так, я не видел этого лоя. А духам довольно сложно от меня скрыться.

– Но ты не глава семьи. Не преемник главных колдовских тайн. Может, и к лучшему. Сделки с дьяволом никогда не заканчиваются хорошим.

Даниэль снова посмотрел на звездочку аниса и подумал: видит ли какого-то особого лоя дед Берnard? Он сейчас глава семьи. И у него такой же дар, как у Даниэля. Правда, он не расскажет, даже если эти слухи правдивы, – конечно же, Даниэль слышал их раньше и точно спрашивал. Дед неизменно хмыкал и заявлял, что у Эшей много тайн, которые покоятся во мраке и в земле, и не все из них стоит раскапывать.

– Вы ведь многих знаете? – спросил Даниэль. – Тех, кто может проводить ритуалы.

– Почти всех.

– Я хочу знать, кто позавчера вечером проводил ритуал на Марселевом перекрестке.

– Наведу справки. Либо мадам Аделаида знает, либо знает того, кто в курсе. Это самое меньшее, чем я могу тебе оплатить. А Шарлотта, если захочешь, сможет разложить тебе карты Таро или заглянуть в кристаллы.

– Пока я бы предпочел традиционные методы.

Агата кивнула и ловко начала стучать ножом по доске с перцем.

– Скоро будет готова джамбалайя, тебе лучше плотно поесть, чтобы восстановить силы. И твой телефон звонил несколько раз.

Даниэль кивнул. Выезжать в дождь всё равно было ужасной идеей, да и возвращаться в квартиру не хотелось. Стоит проверить, кто ему звонил, но пока всё шло не так уж плохо.

3. Плавающие гробы

– Вы видели плавающие гробы?

Мэтт поднял голову и взглянул на посетительницу магазина. Она стояла перед прилавком, сжимая в руках несколько книг, которые выбрала на полках, но смотрела на Мэтта с таким воодушевлением, будто спрашивала о скидках на распродаже.

– А вам так хочется гроб? – поинтересовался Мэтт.

Женщина словно смутилась, но, скорее всего, не поняла,

о чем он. Похоже, решила, что лучше вести себя как начала.

– Это же так интересно! Говорят, из-за сильных дождей размыло землю на кладбище и по улицам плавают гробы.

Мэтт присмотрелся к книгам в руках женщины: какие-то альбомы по истории Нового Орлеана. Видимо, туристка. Вообще-то книжный стоял в стороне от популярных городских достопримечательностей, но иногда даже сюда доходили приезжие. Чаще измотанные жарой, но порой и восторженные, как эта.

– На наших кладбищах хоронят в склепах над землей. Нечему всплывать.

Мэтт протянул руку, и женщина посмотрела на него недоуменно. Потом спохватилась и подала книги.

– Значит, это всё слухи? Никаких плавающих гробов?

– В полночь на перекрестке может и проплыть.

Женщина молчала, кажется, не понимая, шутит Мэтт или говорит всерьез. Он и сам не был уверен, поэтому молча оформил покупки. Пока женщина прикладывала кредитку, чтобы расплатиться, Мэтт заметил краем глаза, как еще одна покупательница, старушка в выцветшем платье, тянется к домику, красовавшемуся в витрине.

– Эй, аккуратно, это нельзя трогать!

Туристка посмотрела на Мэтта, потом на старушку и больше не произнесла ни слова, пока Мэтт убирал книги в пакет. Протянув их, он решил всё-таки проявить немного вежливости – и черного юмора, пусть потом рассказывает дома,

какие чудачки в Новом Орлеане.

– Удачи с гробами!

Туристка вытаращила глаза, схватила пакет и буквально выскочила из магазина. Мэтт не мог сказать, что сожалел, но признавал, что последняя фраза звучала слишком.

Время приближалось к перерыву, поэтому Мэтт повернулся к старушке, чтобы узнать, чем ей помочь... но ее не было. Пустое место и нетронутый домик на витрине.

Мэтт вздохнул. Теперь понятно, почему туристка так перепугалась. Она-то призрака не видела.

Закрыв магазин, Мэтт перешел с улицы с английским названием на улицу с французским – ему нравился этот контраст. Новый Орлеан родился портом, в котором смешивались культуры, а места так и вообще получали имена в зависимости от того, чей флаг реял над городской ратушей.

Мэтт мысленно усмехнулся, перебежав на другую сторону улицы. Так выражалась бабушка: не «люди называли», а места «получали имя». Коренная ирландка, она любила рассказывать истории внукам и оставалась упрямой и непреклонной до самой смерти. Учитывая стальной характер деда Бернарда, Мэтт не понимал, как они уживались.

Отец однажды сказал, что просто любили друг друга.

Имя Даниэлю выбирал сам Бернард, придерживаясь старой семейной традиции: первенца должны звать на французский манер, чтобы подчеркнуть древние корни. А вот для Мэтта они долго не могли определиться с именем – до само-

го рождения. Тогда Даниэль заявил:

– Это Мэтт.

Все согласились. А бабушка ворчала, что предпочла бы что-то более ирландское, но не смела возражать тому, что «пришло», – по крайней мере, так говорили в семье. Зато предания родной земли она потом рассказывала Мэтту вечерами. Может, именно поэтому он любил книги.

На обед Мэтт предпочитал не уходить, но с утра позвонила Хэйзел и настойчиво попросила о встрече. Зная ее, она могла как расстаться с очередным партнером и торопиться пожаловаться, так и купить на аукционе редкое издание «Алисы в Стране чудес».

На улице – на этот раз авеню с испанским названием, и такая страница была в истории Нового Орлеана – располагалось аж несколько заведений, на любой вкус. Традиционная каджунская кухня, средиземноморская, испанская и мексиканская. Причем последние два ресторана агрессивно смотрели друг другу в окна. Хэйзел заявляла, что всё это для туристов, и назначала встречи, когда они обедали вместе, в небольшом баре «Дом на Байу».

Не поднимая головы, Мэтт нырнул в помещение, где всю работу выполнял кондиционер. Местом владел креол, который часто сам стоял у стойки, с удовольствием болтая. Мэтт брал обычный стейк с картошкой, попросил его и сегодня, сразу сделав заказ для Хэйзел.

Уселся в дальний угол, попробовал пиво и покосился на

голову аллигатора, взиравшую стеклянными глазами со стены над баром.

По крайней мере, чучело точно настоящее. А вот по поводу людей Мэтт не мог быть уверен. Та старушка в магазине немного выбила из колеи. Кто знает, вдруг эта семейная пара с ребенком, которые едят вафли, на самом деле вдвоем, а маленькая девочка всего лишь призрак? Или вот тот мужчина, который сидит в одиночестве, не поднимая голову от тарелки и с увлечением поедая обед.

Иногда призраки стоят и таращатся. Но чаще пытаются делать то же, что и при жизни.

Мэтт выругался, про себя и очень витиевато. Он ненавидел это ощущение, когда не мог отделить живых людей от мертвецов. Обычно у него неплохо выходило. Хотя в последнее время он предпочитал хлестать литрами травяной чай, который притуплял это виденье. Но у Даниэля чая не было, сегодня Мэтт его не пил... может, из-за долгого игнорирования призраков восприятие усилилось.

Проклятье!

– О, ты что такой недовольный?

Мэтт настолько увлекся размышлениями о мертвецах, что не заметил, как вошла Хэйзел и теперь встала у столика, уперев руки в бока.

Шорты не скрывали стройных ног, на майке кислотно-го цвета красовались по меньшей мере пяток разноцветных бус. Когда-то у Хэйзел была длинная коса, но сейчас она

стригла волосы в неровное каре и выкрашивала в яркие цвета, сегодня – в бруснично-красный. Задрав на макушку солнечные очки, она рассматривала Мэтта.

– Я такой же, как всегда, – проворчал Мэтт.

– Ха! И правда. Чего это я.

Кинув на стул сумочку с бахромой, Хэйзел уселась, позванивая многочисленными браслетами, которые украшали ее руки чуть ли не до локтей.

Мэтт и Хэйзел когда-то учились в одной школе и вместе ходили на занятия к мисс Браун в художественный класс. Мэтту нравилось рисовать тушью или ощущать в пальцах уголек. Он не воспринимал рисование серьезно, но оно помогало очистить голову, – к тому же, когда смотришь на лист бумаги, точно не увидишь призрака.

Хэйзел интересовалась куда больше. После школы она поступила в колледж и стала иллюстрировать детские книжки, между делом успевая крутить романы. Их дружба с Мэттом оставалась чем-то устойчивым, что заземляло обоих.

По крайней мере, так хотелось думать Мэтту.

Когда Хэйзел принесли кофе, она втянула латте через трубочку, но в тот же момент ткнула в Мэтта пальцем:

– А это откуда? С кем успел поцапаться?

Мэтт невольно коснулся лба, на котором пластырь надежно скрывал рану. Принесли еду, на несколько мгновений лишив необходимости отвечать, но на самом деле Мэтт очень хотел рассказать. Всё ведь отчасти вина Хэйзел.

– А кто послал меня к Пайпер? – Мэтт постарался вложить в голос весь скопившийся яд. – Не хотела возвращать вещи своей подруге и послала меня!

– Ты же согласился, – парировала Хэйзел. – А у меня слишком плохие воспоминания! Я бы этой девчонке глаза выцарапала. Она мне изменяла!

– Да-да, и ты порвала с ней. А меня послала вернуть вещи.

– Попросила. По-дружески.

Хэйзел часто меняла партнеров. Обычно это были мужчины, иногда женщины. Мэтт знал их по рассказам, но с Пайпер виделся, она училась в той же школе.

Хэйзел невозмутимо накалывала на вилку кусочки мяса из рагу, а Мэтт чувствовал всё большее раздражение. Он не торопился приступить к стейку. Вместо этого наклонился к Хэйзел, и плохо скрываемое негодование так и сочилось из его слов:

– И ты не предупреждала, что там будет Себастьян.

– А-а-а, ее братец-гондон.

– Он меня и разукрасил. Хотя сначала я ему хорошенько врезал.

Хэйзел кивнула и указала вилкой на руку Мэтта:

– Полностью поддерживаю твои действия. А теперь, будь добр, используй нож по назначению.

– Ты знала, что Себастьян там будет.

– Ну... подозревала. Но не стала говорить. Я же не была уверена на сто процентов!

Внутри Мэтта клочкотала ярость, хотелось что-нибудь разбить, и он заставил себя остановиться, несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть. И приняться наконец за несчастное мясо, скрежеща по тарелке так, будто собирался и ее разрезать.

Спокойствие не было сильной стороной Мэтта. То есть он хотел бы быть невозмутимым, но находилось слишком много вещей, которые его... трогали. Да и рассудительностью Мэтт не отличался.

По крайней мере, его давно не задерживала полиция. Он работал над собой!

Мать говорила, что в Мэтте проявилась ирландская кровь. У нее при этих словах отчетливо звучало неодобрение: набожная католичка Мэри не понимала всех «безумств», как она называла. Отец посмеивался, он вроде бы по молодости тоже не был паинькой.

Даниэль не высказывался неодобрительно о поступках брата, а Мэтт немного завидовал его умению держать себя в руках. Но на всю жизнь запомнил, как бабушка однажды сказала, что Дану попросту пришлось таким быть из-за лоа. Чтобы не ослаблять контроль.

– А иначе что? – с вызовом спросил тогда Мэтт. Он видел, как лоа выполняли поручения Дана, приносили ему мелкие вещи, подслушивали.

– Лоа сведут с ума.

С призраками хотя бы можно не обращать на них внима-

ния. Им глубоко плевать как на спокойствие Мэтта, так и на его силу воли.

Принесли новый кофе для Хэйзел и еще пиво для Мэтта.

– Это гри-гри? – спросила Хэйзел, кивая на амулет на груди Мэтта и явно желая перевести тему. – Не видела, чтобы ты их носил.

Мэтт пожал плечами.

– Что в нем? – не унималась Хэйзел. – Крысиный хвостик, немного могильной земли, человеческий позвонок?

– Точно ничего человеческого. Я такое не терплю.

Хэйзел знала и о семье Мэтта, и о его даре. Она принимала это как само собой разумеющееся, может, именно поэтому Мэтт и дружил с ней столько лет. Человеческие кости он терпеть не мог, к ним слишком часто цеплялись ошметки призраков.

Даниэль об этом знал, так что, скорее всего, сделал колдовской мешочек на защиту из земли и животных. Судя по запаху, наверняка еще из трав, хотя это больше по части Мэтта.

Когда вчера Даниэль вручил ему гри-гри между поеданием кусков пиццы, Мэтт даже растерялся. Видимо, к своим плохим предчувствиям Даниэль относился максимально внимательно.

Убрав мешочек под футболку, Мэтт повторил:

– Травы, земля... ничего особенного. Гри-гри сделал мой брат.

– О нем-то я и хотела поговорить.

– О Даниэле? – искренне удивился Мэтт. Конечно, Хэйзел с ним знакома, но они толком не общались.

– Точнее, об истории, в которую он влип. Ты же знаешь, что мой кузен Уилл работает в полиции?

– Да, помню. Патрульным?

– Он любопытный и в курсе всего. А я люблю слушать его истории! Сейчас всё отделение взбудоражено трупом Бенджамина Тайлера.

Мэтт удивился, но попытался не показывать, как навести уши. Вот, может же казаться спокойным, когда надо. Хэйзел, правда, и не обращала внимания. Она взмахнула рукой, отчего звякнули многочисленные браслеты:

– Конечно, всё смыло дождем, но криминалисты уверены, его убили на Марселевом перекрестке, а потом оттащили труп к болоту. И не просто убили. Там проводили ритуал.

Мэтт пожал плечами и даже не пытался скрыть разочарования. Бен сам заявлял, что нашел кого-то для обряда, ничего неожиданного.

– Дальше интереснее, – заговорщицки продолжала Хэйзел. – Рядом есть магазин. И его хозяин вспомнил Бена! Он заходил вечером перед смертью. Один, но тот, кто с ним был, мог остаться снаружи. Бен взял соль. Похвастался, что будут проводить ритуал. Заявил, что его спутник – Даниэль Эш.

Сначала Мэтт удивился. А потом вспомнил Бена: хвастливого, самоуверенного. Он был в общем-то хорошим пар-

нем, но если его задело, что Даниэль отказался проводить ритуал, мог и приврать. В конце концов, Дан хоть и редко работал для кого-то, но был известен в определенных кругах. А может, именно поэтому и был.

– Это же вранье, – сказал Мэтт. – Хозяин магазина не видел Даниэля.

– Нет. Поэтому его свидетельство нельзя использовать. Но полиция копает в этом направлении.

Если вчера Мэтт не очень-то соглашался с Даниэлем, что им стоит выяснить, что произошло, то теперь причины казались серьезнее. А происходящее всё меньше нравилось.

Положив голову на руку, Хэйзел задумчиво посмотрела на Мэтта:

– Ты уверен, что твой брат не замешан?

– Конечно.

Хэйзел пожала плечами, как будто доверяла суждениям Мэтта – или ей всё равно. Возможно, если бы Мэтт сказал, что Даниэль убил Бена, Хэйзел бы ничуть не удивилась, и это никак не изменило ее настроения или восприятия. Отчасти можно позавидовать.

От еще одного кофе Хэйзел отказалась и вместе с Мэттом взяла обычный чай. Они быстро расправились с первыми чашками. На самом деле, Мэтт задумался и даже не заметил, как всё выпил. Он крутил чашку в руках, когда Хэйзел спросила:

– Умеешь гадать?

– Что?

– По чайнкам.

Мэтт покачал головой:

– Бабушка умела. Пока дед общался с лоа, она гадала на камнях и веточках.

– От деревьев, что ли?

– У нее был целый набор в мешочке. Она предсказывала будущее по виду дерева, которое вытаскивала.

– Звучит... забавно.

Мэтт улыбнулся:

– Так и было. Больше развлечение, нежели настоящее гадание. Хотя кое-что серьезное она тоже умела.

Воспоминания не были приятными. Остальная семья не хотела знать будущее, а вот Мэтт постоянно доставал бабушку. Пока она не сдалась и не зажгла свечи для него одного, заставила вглядываться в темную воду и произносила древние ирландские слова, значения которых Мэтт не знал.

Ничего особенного или шокирующего бабушка не нагадала. Но Мэтту не понравилось само ощущение. Будто бы его жизнь заранее предопределена и его действия ничего не значат. Он не мог с этим согласиться. И кажется, до сих пор доказывал, что всё вовсе не так.

Он может обходиться и без «семейного наследия». Он сам выбирает будущее.

Мэтту исполнилось четырнадцать, и тогда весь его мир буквально ходил ходуном. Сначала Даниэль уехал в семина-

рию – точнее, во что-то вроде школы при семинарии, где и заканчивал старшие классы. А потом, вскоре после того гадания, умерла бабушка.

– Мы чувствуем смерть одного из нас, – тихо сказал Мэтт. – Когда сердце Эша останавливается, мы ощущаем этот момент. Знаем, что произошло. Когда бабушка умерла, я был в школе.

Не первая смерть на памяти Мэтта. Но когда погиб дядя, Мэтту было девять и он даже не понял, что именно ощутил. К тому же... ну, смерть тогда не казалась концом. Дядю Мэтт видел потом пару раз уже призраком.

Он надеялся встретиться с бабушкой. Она обещала к нему прийти. Но так ни разу и не явилась.

Тогда-то Мэтт и осознал, что это насовсем. Призраки, которых он видит, вовсе не живые люди. Это воспоминания о них, обрывки личностей. Всё остальное стирает смерть.

Зачем ему видеть призраков? Они нереальны. Они... тоже обманывают.

– Ты постоянно их видишь? – неожиданно спросила Хэйзел. – И сейчас?

– Ну, сейчас особенно. Я не пил свой волшебный чай.

А призраки стали ярче и осязаемее.

– Ты говорил, это бабушка учила тебя смешивать травы... Мэтт, у тебя ведь здорово выходит. Ты мог бы помогать травами людям.

– Не хочу я никому помогать!

Выливая в чашку последние капли чая, Хэйзел сделала то неповторимое выражение лица, которое умела: «Я тебе как бы верю, парень, но ты сам знаешь, что всё не так». Хэйзел почему-то не сомневалась, что Мэтт должен стать медиумом и травником, раздавая свои визитки всем на улицах и помогая каждому встречному.

– Ты же училась со мной, – резко сказал Мэтт. – Видела, как надо мной смеялись!

– Ну и что? Они думали, ты говоришь с пустым местом.

– Они считали меня психом.

– Какая разница? Ты же знал, что это не так.

Призраки лгут, люди смеются. Умение видеть то, чего нет, никогда не приносило Мэтту хорошего. Зато добавляло синяков.

– Мой перерыв почти закончился, – сухо сказал Мэтт. – Пора на работу.

Возможно, залогом долгой дружбы с Хэйзел стало то, что она знала, когда стоит согласиться, замолчать и не продолжать гнуть свою линию. Вот и сейчас она предложила расплатиться по счету, а до этого рассказывала не о смерти, а о подруге, которая всеми правдами и неправдами пыталась женить на себе своего парня.

Путь в магазин был коротким, но Мэтт намеренно выбрал длинную дорогу в обход квартала. Жара стискивала в решительные объятия, но слишком уж хотелось пройтись и подышать воздухом.

Даже если половина людей, которые встречались на улице, были мертвыми.

Мэтт старался не думать об этом, хотя разговор с Хэйзел заставил вспомнить и бабушку, и детство. Отец занимался делами, а требованиям матери не так-то просто было соответствовать. Мэтт не был душой компании, заводить друзей казалось сложным, особенно когда большая часть из них считала его психом.

Или верила и боялась. Это было даже хуже.

Ему повезло, что оставался Даниэль – старший, спокойный, кто точно не страшился и не сомневался в правдивости слов. Он слушал и о соседке, умершей полгода назад, но до сих пор возвращавшейся в свой сад, и об учительнице, которая таскала за собой искаженный отголосок мужа. Не все призраки оставались яркими и живыми, от многих лишь тлели куски, и они пугали больше всего.

Даниэль не видел призрачного котенка, с которым играл Мэтт, но с энтузиазмом предлагал для него имена. Даже хотел отыскать его труп – Мэтт до сих пор не знал, говорил ли он всерьез.

А потом он умер. Даниэль не спрашивал, а Мэтт не рассказывал, но ощутил смерть брата. Его собственное сердце сжалось и будто бы пропустило удар. Он увидел призрака – не полноценного, а скорее отголосок души, который мелькнул на долю мгновения, бледный, в крови и мертвый.

Когда позвонил отец рассказать об аварии, они оба уже

знали, что Даниэль мертв, хоть ни один из них не сказал этого вслух.

Мэтт не помнил, как ехал в больницу, зато точно прибыл раньше отца. Ему первому врач сообщил, что Даниэль правда умирал, но его сердце снова забилося.

К черту всё! Мэтт вытащил телефон, сам не зная, то ли собирался позвонить Даниэлю и рассказать о полиции, то ли открыть семейный чатик и позвать брата с сестрой в тетушкин бар.

Мэтт остановился, таращась на перекресток и забыв о телефоне. Ему хватало мертвецов, он не призывал дьяволов и лоя, поэтому не имел предубеждений против перекрестков. Возможно, сейчас стоило пересмотреть свои взгляды.

Потому что там плыли, наполовину зарывшись в асфальт, призрачные гробы. Мэтт такого раньше не видел. Как будто мертвецы вспоминали свое путешествие, когда ураган «Катрина» разрушил даже склепы на кладбищах.

По ту сторону улицы стояла фигура, которую Мэтт не сразу узнал. Бабушка Эйлин. Она не являлась ему со дня своей смерти, но теперь стояла и смотрела, совсем как живая. Она вскинула руку и сделала охранный жест – при жизни утверждала, что он ирландский, но Мэтт знал, что она сама его придумала.

Она предупреждала об опасности. Бабушка явилась сейчас, чтобы предупредить об опасности.

Она исчезла, а всплывшие гробы еще некоторое время

двигались по улице.

4. Даже если будешь ненавидеть меня

Бар «Пепел к пеплу» располагался у реки, так что подвезжая можно было ощутить влажный, болотистый дух Миссисипи.

Небольшой домик скрывался среди раскидистых деревьев, буквально утопая в них. Ночная жизнь на Бурбон-стрит пульсировала для туристов, показывала им красивую картинку, но настоящая ютилась ближе к дамбе, в небольших

барах, подобных этому.

Такси остановилось на потрескавшемся асфальте, Даниэль снял темные очки, прищурившись на заходящем солнце. Еще рано, посетителей наверняка немного, и Даниэль успеет перекинуться парой слов с тетей.

Если Роберт Эш, старший сын Бернарда, пошел в семейное дело, то его дочь Вивьен Эш предпочла собственное, точно многое взяв от бурного нрава ирландской родни. Она поступила в колледж где-то в Нью-Йорке, уехала туда сразу после школы, перепробовала множество дел, вышла замуж, развелась, вернулась в Новый Орлеан и открыла бар.

Летом к ней приезжала дочь Стелла. Даниэль не знал, почему она осталась с отцом, кажется, там была какая-то странная история и загадочный бывший муж Вивьен. Как бы то ни было, лето Стелла проводила у Эшей, училась семейному искусству и помогала матери в баре. Сейчас она вроде бы заканчивала колледж. Даниэль кухню любил, хотя на ее неизменные приглашения в гости отвечал отказом. А она по секрету рассказывала, что хочет переехать в Новый Орлеан, когда станет старше и сможет договориться с «отцом и его головорезами».

Возможно, бар и неподходящее место для детей, но Даниэль с братом часто бывали здесь. Он помнил еще первое помещение, просторное и удобное, полностью уничтоженное «Катриной». Сам ураган Эши почти не застали, заранее уехав из города. Ни их предприятие, ни дом практически не

пострадали. А вот бар тети, стоявший ближе к дамбе, оказался уничтожен.

Тетя Вивьен не отчаялась. Она в принципе редко падала духом. Отстроила бар заново, сделала его меньше и уютнее. Даниэлю тогда было лет двенадцать, так что для него старый «Пепел» оказался частью детства. Той, что там и осталась.

Новый уже в новой жизни. Но за прошедшие годы Даниэль успел полюбить это место даже больше прежнего. Сюда он забегал в выходные из семинарии. Тут проводил время с Анаис, которая оказалась очарована баром. И здесь они встречались с семьей.

Темную стену украшал неоновый крест, на полках стояли черепа, а с рогов оленя со стеклянными глазами свисали розарии вперемежку с бусами Марди Гра. Повсюду расставлены свечи, придавая помещению вид чего-то среднего между церковью и алтарем во славу алкоголя.

Посетителей было немного, всего пара человек за столиками. Играл приглушенный рок, а за стойкой стояла сама Вивьен Эш.

- Неужели от тебя все бармены разбежались?
- Неужто это один из двух любимых племянников?
- Нас у тебя всего двое...

Вивьен легко перемахнула через стойку и крепко обняла Даниэля. Невысокая, с уверенными движениями. Она не любила краситься, а темные волосы стригла до плеч. Сегодня она была в практичных джинсовых шортах с неподшитым

краем, майке и клетчатой рубашке, завязанной под грудью. Запястье на манер браслета опоясывала татуировка, магические веки переплетались со змеями.

Вивьен выглядела как настоящая южанка, которая может и бурбоном угостить, и проклясть, и встретить с ружьем в руках – на всякий случай. Оно даже висело тут же, над барной стойкой.

Рядом с табличкой «Будь милым или проваливай».

Когда-то тетя учила племянников стрелять по банкам. У Даниэля получалось плохо, а вот Мэтт хорошо стрелял.

– Давненько не заходил, – сказала Вивьен, возвращаясь за стойку. – Надеюсь, ты не за рулем?

– Специально приехал на такси. Но подожду остальных, чтобы напиться. Сейчас я бы предпочел кофе.

– Как скажешь. Ты где пропадал?

– Работал с отцом. Заключали важный контракт. А потом ко мне пришла полиция.

– Да неужели ты на чем-то наконец попался?

Даниэль рассказал о Бене, неторопливо попивая кофе. Мать почему-то не могла запомнить, какой любит Даниэль, упорно не наливая молоко, а вот тетя Вивьен делала ровно то, что нужно.

– Любопытно, – хмыкнула Вивьен. – Ты уже нашел того парня, который проводил ритуал?

– Скоро узнаю имя. Если он сам не убийца, то уж точно знает, что там произошло.

– Скверная история. Это же не ты его убил?

– Да почему все спрашивают? – возмутился Даниэль. – Когда я хоть кого-то убивал?

– Вдруг решил начать. К тому же мне-то не заливай. Я прекрасно знаю, что ты не такой милый мальчик, каким тебя видят.

Даниэль пожал плечами. Уж с кем он точно не пытался казаться другим, так это с семьей. Тетя Вивьен наверняка помнит, как он сидел в детском стульчике и просил лоя опрокинуть тарелку с кашей. Она прекрасно его знает.

– Я еще помню твои рассказы про семинарию, – подмигнула Вивьен. – Не те, которые ты Мэри впаривал.

Он сразу понял, о чем говорила тетя. Понял и помрачнел. После того как в семинарии произошла история с Кристофером Янгом, Даниэль уехал домой на выходные. Ему хотелось с кем-то поговорить, но родители не поняли бы, а Мэтт... ну, Даниэль боялся, что мнение младшего брата о нем изменится.

Возможно, он рассказал тете Вивьен, потому что она была в тот момент в доме. Курила на кухне и замахала на Даниэля руками, чтобы не выдал ее Мэри, которая терпеть не могла сигареты.

Возможно, Даниэль рассказал тете, потому что знал, что она нормально воспримет историю о том, как он использовал магию и мучил кого-то.

Голова оленя висела точно напротив входа, так что каж-

дого посетителя встречала печальным взглядом стеклянных глаз. Мэтт говорил, что ему не по себе от этого, но однажды, напившись, сам пошел обниматься с оленем, чуть не свалив его со стены.

– А вот и второй мой любимый племянник!

Тетя Вивьен проделала тот же трюк с перемахиванием через стойку и объятиями, а после заявила, что теперь-то мальчики должны пить алкоголь.

– Можно начать с текилы, – Даниэль глянул на Мэтта, и тот согласно кивнул.

Пока Вивьен разливала, Мэтт указал на руку Даниэля:

– А это что? Стоило оставить тебя на день!

– Всего-то небольшой ритуал.

– Небольшой? Поэтому рука до локтя забинтована?

– Не обе ведь.

На барную стойку хлопнулись две рюмки текилы, и Даниэль с Мэттом открыли алкогольный счет этого вечера. О ритуале и ворохе лоа Даниэль рассказал спокойно и без утайки, вся история показалась ему любопытной, хотя о самом обряде он упомянул вскользь.

Мэтт слушал, иногда спрашивал, но Даниэль видел, что брата что-то беспокоит. Что-то другое.

– Всё в порядке? – как будто невзначай спросил Даниэль. – В магазине ничего странного?

– Нет. Нет, ничего такого.

По тому, как быстро Мэтт отвел глаза, Даниэль догадал-

ся, что это связано с призраками. Почти всегда связано с призраками. Другими проблемами брат делился без ложных смущений и утаиваний.

– Хэйзел сообщила про Бена. Есть мысли?

Нет, Мэтта беспокоило не это. Совершенно точно не это. Стало горько, что Мэтт ему не доверяет, чтобы рассказать. Но ответить Даниэль постарался невозмутимо:

– Бен любил приукрасить и сболтнуть лишнего. Он просил провести ритуал, но я отказался.

– Полиция в это поверит?

– Да неважно, во что они верят, пусть ищут факты. Может, им даже повезет отыскать убийцу. Я бы порадовался.

– А как думаешь... гм... может, кто-то специально хочет тебя подставить?

– Тогда бы сделали поизящнее. Подкинули улик. Да и кому я мог понадобиться?

Мэтт хмыкнул и приподнял брови в нарочитом удивлении:

– Дан, полно людей, которые тебе завидуют. Там и до ненависти недалеко.

– Завидуют? Мне?

– У тебя богатая семья, ты успешен и у тебя выходит всё, за что берешься. Так кажется со стороны.

– Я даже умирал. Это никого не убедило, что всё не так чудесно?

Мэтт как-то неопределенно пожал плечами, а потом хлоп-

нул внеочередную стопку текилы. Даниэль так и не понял, что не так, но после этого Мэтт продолжал как ни в чем не бывало:

– Я говорю о том, что у тебя могут быть враги. Или у Эшей.

– Да самый большой наш враг – это мы сами.

Даниэль задумался. Пока что смерть Бена не выглядела особо загадочной или действительно связанной с ним или с Эшами. С другой стороны, полиция к нему уже приходила. И наверняка явится еще. Они ведь тоже ищут того, кто провёл ритуал, если найдут первыми, кто знает, что он им расскажет. Может, будет утверждать, что Даниэль и Эши заплатили ему за убийство Бена. Или что он оставил Бена живым и невредимым, а убил кто-то после.

Или полиция так никого и не найдет, зато подкинут улику, что на болотах был сам Даниэль. Он же проторчал весь вечер дома, а это не самое надежное алиби.

Телефон упорно молчал, а писать Шарлотте или ее бабушке не хотелось. Когда будут новости, они его известят.

Сунув телефон в карман, Даниэль поднял глаза и уперся взглядом в младшую двоюродную сестру, которая направлялась к ним от дверей.

У Бернарда Эша было трое детей: Роберт, Майкл и Виьен. Средний сын умер четырнадцать лет назад, и Даниэль ничего толком не знал о его смерти – одна из тем, которую обходили стороной абсолютно все в семье, а сам он тогда был

подростком. Когда дядя Майкл умер, его дочери исполнилось всего три года.

Лилиан Эш ненавидела полное имя, предпочитая, чтобы ее звали просто Ли. Она красила длинные темные волосы в светлый почти до платины, густо подкрашивала глаза и лучше всех в семье владела магией, связанной с жизнью: могла как лечить, так и убивать. Как настоящий бунтующий подросток семнадцати лет она предпочитала второе.

Сегодня Ли оделась в короткое платье из светлого кружева, повесила на шею розарий, а на руку браслеты из черепков, то ли крысиных, то ли змеиных. Большие серьги в виде крестов оттягивали уши, а тяжелые ботинки чеканили шаг.

– Привет, мелкая, – сказал Мэтт.

Даниэль не мог удержаться, чтобы не поддеть:

– Здравствуй, Лилиан.

Она закатила глаза и фыркнула, всем видом выражая, что думает о полной форме имени:

– Иногда ты такой засранец, Дан.

Ли была сильно младше и не жила в особняке. Она не видела призраков и не любила вуду-ритуалы с лоа. А еще казалась Даниэлю... немного потерянной. Хотя сама Ли точно бы разозлилась, если ей такое сказали. Она считала себя очень независимой и ничуть не отстающей от старших братьев.

Даниэль ощущал тень за спиной кухни, улавливал уголок сознания, будто краем глаза. Но только после собственной смерти смог понять, что это.

Тень смерти ее отца. Она невидимым плащом вилась позади. Мэтт утверждал, что никаких призраков рядом с Ли нет, он видел пару раз дядю Майкла после смерти, но очень давно.

Даниэль пытался выяснить, что это может быть, а главное, не опасна ли эта штука. Никто не сталкивался с подобным, кроме старого друга Айвори, который сказал, что слышал о таком.

– Это тень чужой смерти. Кого-то очень близкого, кто умер страшно. Она не опасна, иногда наоборот, защищает.

Даниэль не знал, что такого ужасного было в гибели Майкла, если его застрелили. Но Мэтт рассказывал, когда смерть неожиданна, она причиняет больше боли, и призраки страдают от этого. Что ж... Даниэль точно мог сказать, что смерть – это неприятный опыт.

– Так, что там за история с полицией? – поинтересовалась Ли, забираясь на барный стул.

– Ну уж нет! – застонал Мэтт. – Сначала расскажи про школу. Что-нибудь понятное. Не хочу я про эту полицию!

– К счастью, я учусь последний год. Могу рассказать про мисс Мод.

– Она по-прежнему преподает математику? Да она была старой, еще когда я учился!

– Мы делаем ставки, не рассыпется ли на уроке.

Когда народу прибавилось, они переместились от барной стойки к столику под неоновым крестом. Вивьен и правда се-

годня сама разливала напитки. Как она сказала, ее барменша попросила отгул, а на замену никого не нашлось. Впрочем, Вивьен так виртуозно обращалась с бутылками, что Даниэль не сомневался, она получала удовольствие от работы.

Даниэль больше слушал. Ли болтала, Мэтт смеялся ее историям, а потом рассказывал о мертвом Бене и полиции.

Даниэлю нравилось слушать. Слова брата и сестры будто омывали его – смывали всё ненужное и неважное. Алкоголь стирал границы, и можно было почти что увидеть призраков Мэтта или тень Ли. Почти – но не совсем. Лоа хоть и оставались неосязаемыми, но в такие моменты Даниэлю казалось, он может ощутить даже их. Как они невесомыми мотыльками путаются в волосах, приникают к неону креста.

Когда Даниэль неловко задел стол рукой, забинтованный порез засаднил, но даже это было по-своему приятно. Еще одна деталька этого вечера, его самого.

Это всё заставляло ощущать себя живым.

Пить решили немного, и он отправился к барной стойке за кофе, где Вивьен крутилась с прибывшим народом.

– Неужто это Даниэль Эш?

Он повернулся к стоявшему рядом человеку и ощутил, будто его ударили под дых. Невозмутимое выражение лица, правда, не покинуло Даниэля.

– Кристофер Янг. Давно тебя не видно.

– Дела, знаешь ли.

Кристофер любил набивать себе цену и казаться важнее,

чем он есть. Их семьи походили друг на друга: Янги тоже имели шикарный особняк в Садовом квартале, младший брат Кристофера учился вместе с Мэттом, а он сам, почти ровесник Даниэля, пересекся с ним в семинарии, куда оба сбежали по схожим причинам, стремясь к самостоятельности. От семей в том числе.

Наверное, они могли бы стать друзьями. Янги занимались недвижимостью, преуспели после «Катрины», но сфера их интересов никак не пересекалась с Эшами. Они не были конкурентами. Но в семинарии Кристофер постоянно соревновался с Даниэлем.

Примерно с таким же видом, как сейчас. Высокий, лощеный Кристофер Янг в нарочито небрежном пиджаке поверх футболки, с художественно растрепанными волосами.

Даниэль вспомнил их историю в семинарии – будто взболтали мутный осадок на дне стакана. Содрали корку с поджившей раны. Указали Даниэлю, что на самом деле он не был правильным или совершенным – его изъяны сочлись болотной гнилью.

Лоа взметнулись вокруг, а Кристофер будто что-то почувствовал. Словно ненароком задрал пиджак, пошевелил пальцами левой руки. Мизинец почти не двигался.

– Представляешь, так и не восстановился до конца.

– Очень жаль.

Голос Даниэля звучал ломко, будто сухостой в жаркое лето.

Кристофер ничего не забыл. Он напоминал каждый раз, когда они встречались. Когда у него была возможность вставить палки в колеса Эшам вообще и Даниэлю в частности. Если в бизнесе у них были разные области, то на светских встречах Кристофер не упускал возможности напомнить или мелко напакостить.

Пару лет назад он вылил – как бы случайно – полный бокал вина на светлый костюм Даниэля на благотворительной встрече. Сущая ерунда, но для Даниэля тот вечер был первым мероприятием после аварии, и красное вино живо напомнило ему о крови и смерти.

Сейчас он бы мило улыбнулся Кристоферу, но тогда Даниэль буквально сбежал и не смог заставить себя вернуться. Не успокоился, пока не уехал в особняк, не вымылся в душе, не переоделся. После этого они еще полночи проговорили с Ли на кухне, Даниэль там и уснул.

Кристофер точно знал, что делал. Даниэль прекрасно понял откуда, и тогда же закончил ходить к психологу. Если ты говоришь о слабых местах, всегда есть способы их выяснить – незаконные, магические или коммерческие, если у тебя достаточно денег.

Взяв кофе, Даниэль отнес две чашки Мэтту и Ли, а одну оставил себе:

– Пойду проветрюсь.

Мэтт любил «Пепел к пеплу».

Любил посиделки в баре.

Этим вечером он был готов всех любить, и это вовсе не из-за текилы. Ну, может, самую малость. Куда больше успокаивало ощущение, что здесь нет призраков, а с Даниэлем и Ли Мэтт чувствовал себя спокойно и умиротворенно, пропадало желание бороться со всем миром или доказывать ему свое право на существование.

Мать была требовательна. Она считала, что дети должны соответствовать ее представлению об идеале. Конечно же, он оказывался недостижим, но они очень старались. Мэтт искренне радовался, когда мать хвалила его, пусть куда чаще она указывала на недостатки. С желанием помочь их уничтожить, конечно же.

Тетя Вивьен была не такой, ее бар воспринимался как убежище. Даниэль тоже никогда не просил Мэтта становиться кем-то другим. Ли же восхищалась братьями, хотя всячески старалась это скрыть.

Она отпила кофе и глянула на дверь:

– Можешь тоже покурить.

– Могу, правда? – хмыкнул Мэтт.

– Ой, да знаю, что ты не хочешь меня одну оставлять. Но я уже взрослая девочка. Пойду к тете Вивьен. Поболтаю.

– Скорее, она обрадуется помощи.

– Я справлюсь, зануда!

Наверное, Ли была единственной, кто называл Мэтта занудой. Она подхватила кофе, и ее выкрашенные в черный ногти контрастировали с белой керамикой. Залпом выпив

собственный, Мэтт отправился к выходу.

Даниэль сидел на ступеньках крыльца, чуть в стороне. В одной руке держал кофе, а в другой сигарету. Мэтт тоже взял из лежавшей пачки и пристроился рядом. За спиной слышались приглушенная рок-музыка и голоса, а ночь расстилась влажным ароматом с Миссисипи и стрекотом ночных насекомых.

Даниэль нашел свечи, которые Вивьен оставляла на крыльце как раз для таких случаев. Расставил вокруг, и одна из них пахла густым камфорным ароматом, который должен отгонять moskitov.

Дальше по улице слышалось странное слияние блюза и каджунской музыки, а здание с другой стороны стояло мертвым остовом с разбитыми окнами. Больше всего Мэтт любил огромный дуб, росший рядом с баром Вивьен. В несколько обхватов, основательный, с шероховатой корой. Наверняка он помнил и индейских вождей, и чернокожих рабов, и все ураганы, которые выстоял.

Длинные пряди испанского мха свисали с ветвей и закрывали часть крыльца, делая его уютным. Отблески мерцающих свечей танцевали на них.

Мэтт выкурил сигарету до половины, когда сказал:
– Я заметил в баре Кристофера Янга.

Даниэль кивнул. Он почти не затягивался, держал сигарету в руке, рассеянно смахивая в стоявшую на истертом дереве пепельницу.

– Я не рассказывал тебе о том, что произошло между мной и Кристофером в семинарии.

– А сейчас хочешь рассказать? – осторожно уточнил Мэтт. Он, конечно, знал, что брат сталкивался с Янгом, но не придавал этому значения.

Младший брат Кристофера, Паркер Янг, много задибал Мэтта в школе. Они регулярно устраивали драки. Повзрослев, Мэтт понял, что поведение Паркера, вполне возможно, копировало родителей или старшего брата. Он ненавидел Мэтта, потому что считал, что ему положено ненавидеть Эшей.

А может, был обычным маленьким говнюком, который решил докопаться до мальчика, который видел призраков.

– Я хочу, чтобы ты знал, – сказал Даниэль. – Даже если будешь ненавидеть меня.

– Ой, да хватит драматизировать, в чем дело-то?

– Ты же помнишь, как в детстве я развлекался с лоа?

Конечно, Мэтт помнил. Лоа существовали более развитые, осознанные, с ними и взаимодействовали на вуду-ритуалах. Вокруг Даниэля вились те, что попроще. Они обладали зачатками разума, мелкие духи, которые жили в предметах или определенных местах. Даниэль умел с ними взаимодействовать, они подобны уличным псам, которым нужен властный хозяин. Лоа приносили по приказу лакомства и вещи, сообщали, о чем говорили родители за закрытыми дверями. Ничего серьезного.

– Это было забавно, – ухмыльнулся Мэтт.

– В семинарии я использовал лоя иначе. Кристофер Янг пытался задирать меня, но я игнорировал. Тогда он начал распространять слухи о семье. Много разных гадостей. О тебе тоже.

Мэтт мог себе представить. Он никогда не служил образцом благочестия, но в то время был совершенно неуправляемым подростком. Он сутками не ночевал дома, еще и связался с сомнительной компанией. Они толкали травку, зато плевать хотели, каких призраков видел Мэтт. Сам он старательно избегал любых веществ, но тот же Паркер Янг всем рассказывал, какой Мэтт наркоман.

Так что можно представить, какие слухи распространял Кристофер Янг. По крайней мере, о нем. Мэтт не сомневался, что и про остальную семью можно достаточно грязно придумать.

– Я натравил на него лоя.

– В смысле, натравил? – не понял Мэтт. – Это как?

– Приказал им держать его. Приказал причинить ему боль.

– Он... он понимал, что происходит?

– Конечно. Я подробно рассказал. А потом стоял и смотрел. Я смотрел, как лоя истязали его.

Мэтту стало даже не по себе от спокойного и мрачного голоса Дана, и он достаточно хорошо знал брата, чтобы понимать, что тот делал это специально. Хотел показать, насколько

ко всё равно ему было, насколько он бесчувственная скотина.

– Больше Кристофер ничего не говорил о нашей семье. Не выступал в открытую. Хотя исподтишка... конечно, он до сих пор тихо мстит. Того унижения он не простил.

– А ты... ну, еще так делал?

– Нет, ни разу. Мэтт, я ему несколько пальцев сломал! И руку... вроде бы вывихнул. Он после этого ушел из семинарии.

Даниэль молча смотрел вперед, пока его сигарета окончательно не истлела до фильтра. Зашипев, как рассерженный кот, Даниэль наконец-то ее потушил и почти с вызовом посмотрел на Мэтта.

Даже если будешь ненавидеть меня.

– Ты знаешь, я тоже много всякого творил, – пожал плечами Мэтт. – И до сих пор творю.

Он правда не понимал, почему это настолько волновало Даниэля, но заметил, как тот расслабился. Невольно подумал, что бы сказала мать на подобные откровения? Наверняка ужаснулась, а потом убеждала, что нужно замаливать свои грехи и надеяться на прощение. Ах, ну да, точно бы упомянула, как разочарована. Или показала всем видом. А потом отправила молиться, ведь нельзя причинять боль людям, нужно подставлять другую щеку.

– Как там Хэйзел? – спросил Даниэль, и это означало почти что светскую беседу.

– Рассталась с очередной пассией...

Мэтт говорил охотно. По крайней мере, в баре он не сомневался, что не видит призраков. Они почему-то не появлялись около Даниэля. Поэтому, если брат оставался рядом, Мэтт знал, что все вокруг точно живые.

Он не понимал, почему так происходило. Теперь... именно после аварии, после того как Даниэль умер, рядом с ним перестали появляться призраки. Он смеялся и говорил, что мертвецы принимают его за своего и стараются избегать. Мэтту такое объяснение не нравилось до зубовного скрежета, было в этом что-то, слишком напоминавшее, что Даниэль умирал. Напоминавшее о том, о чем Мэтт точно не жаждал помнить.

Даниэль зевнул в кулак:

– Пойду-ка еще кофе возьму. Тебе принести?

– Не, тут подожду.

Вместе с Даниэлем в бар зашла парочка уже подвыпивших друзей, и Мэтт отодвинулся дальше в тень. Ему хотелось тишины, пусть он не знал, насколько далеко вокруг Даниэля распространяется его «черная дыра» для призраков.

Мэтт не стал рассказывать ни Дану, ни Ли о том, что видел сегодня. О бабушке, которая предостерегала. С призраками всегда так: они могут искренне хотеть помочь, но как же неопределенны их знаки! Вот и тут Мэтт не представлял, что имела в виду бабушка. Какую-то физическую опасность вроде полиции или Кристофера Янга? Или бояться стоило

чего-то другого, что живет на болотах или что мог вызвать Бен.

Мэтт не стал рассказывать Даниэлю, потому что не хотел его беспокоить. А то с него станется не один гри-гри смастерить. Тем более к нему и так полиция приходила, а Бена он хорошо знал. Хватит забот и без неясных предупреждений призраков.

Заметив движение краем глаза, Мэтт удивился, почему не услышал, как дверь бара открылась, выпуская Даниэля.

Посмотрев на брата, он понял, что не так.

Даниэль стоял весь в крови, она заливала половину его невероятно бледного лица. Захлебнувшись воплем, Мэтт отшатнулся, потому что сразу узнал: именно таким он увидел брата в момент его смерти, таким до последней капли крови. То видение длилось всего секунды, но запомнилось Мэтту на всю жизнь.

Он видел того же самого призрака.

Паника взметнулась, но тут же стихла. Мэтт бы ощутил, если с Даниэлем что-то случилось, да и он сейчас в баре, кофе берет. Не в машине на дороге. И уж точно не в том самом моменте.

Дверь распахнулась, и вышел настоящий Даниэль, живой и здоровый. В другой одежде, даже прическа чуть иная, без всякой крови. Он смотрел что-то в телефоне и сказал, не поднимая головы:

– Я знаю, кто провел ритуал Бена... э-э-э... Мэтт? Что

случилось?

Даниэль в два шага оказался рядом с Мэттом, который не был уверен, что сможет сейчас подняться на ноги. Он в ужасе смотрел на обеспокоенного Даниэля, который тут же забыл о телефоне. Вцепился ему в плечи – брат настоящий, теплый и уж точно живой.

– Дан, – голос Мэтта дрогнул. – Кажется... кажется, у меня глюки.

5. Никаких продаж после заката

«Никаких продаж после заката».

Мэтт пялился на табличку, написанную кривыми буквами и воткнутую в рыхлую землю перед домом. Всерьез размышлял, а что такого страшного в севшем солнце? И стоит ли об этом знать или некоторое любопытство не нужно удовлетворять.

Дом примостился на окраине города, настолько близко к болотам, что странно, как это неказистое строение не сполз-

ло в трясину. Ощущение было, будто «Катрина» основательно его потрепала и сорвала часть крыши, но хозяин вернулся и продолжил жить, прилепив заплатку на черепицу.

«Никаких продаж после заката», рядом с вывеской об амулетах. Тоже написанной от руки.

Мэтт с сомнением оглядел домик и утер пот со лба. Где-то рядом надрывалась собака – возможно, гости в районе ей не понравились. Ну, или она чуяла в незнакомцах странное.

– Ты уверен? – спросил Мэтт.

Даниэль кивнул, темные очки скрывали его взгляд. Мэтт прищурился на солнце:

– Бен хорошо знал тебя. Уж мог отличить в вуду придурков и шарлатанов. Уверен, что именно здесь живет тот парень, который провел ему ритуал?

Не отвечая, Даниэль зашагал к крыльцу, состоявшему из пары ступенек, и постучал в дверь. Мэтту оставалось мысленно проклинать неразговорчивость брата. Он заявил, что некая Агата навела справки и не сомневается.

– Мэтт...

Дверь, в которую постучал Даниэль, оказалась не заперта. Братья переглянулись и не сговариваясь вошли. Они прекрасно знали, что оставлять двери открытыми могут либо уверенные люди, ждущие посетителей, либо те, у кого что-то произошло.

Дом тут же произвел впечатление первого. Изнутри он оказался таким же потрепанным и обветшалым, но в нем

чувствовалась... сила. Притаившаяся в карнизах штор, дремавшая в пыли за шкафом, поскрипывающая в пружинах старого дивана.

Мэтт мог ее ощутить. Не такая древняя, как в семейном особняке, не такая густая, другая, но она жила здесь. Хозяин этого места точно мог бы вызвать лоя для Бена.

Обои отслаивались под потолком, а мебель казалась очень разной, наверняка купленной по барахолкам. Ощущался легкий беспорядок, но при этом книги на полке стояли в аккуратном алфавитном порядке. На столе в керамической миске лежали браслеты из ярких пластиковых бусин с косточками и перьями, видимо, талисманы. Хотя Мэтт не сомневался, что настоящую магию показывали не тем, кто пришел за балаганными фокусами и «зачарованными амулетами».

Он заметил полустертые меловые вехи на полу. Над единственной дверью в другую комнату висело распяты.

– Мистер Амброуз?

Дом отозвался тишиной, а Мэтт подумал, что только Даниэль может завалиться без приглашения к местному вуду-колдуну и звать его «мистером». Он почему-то считал, что нужно оставаться вежливым. Мэтт считал, что открыть дверь с ноги – это нормально. В конце концов, потом можно извиниться.

Даниэль двинулся к закрытой комнате, видимо, решив проверить весь дом. Спальня. Интересно, если Дан вытащит

колдуна из постели, тоже делает это крайне вежливо?

Почти инстинктивно Мэтт придвинулся к брату, не отставая от него. От этого места можно ожидать призраков, и Мэтт не был уверен, что готов с ними встречаться. В подобном доме они могли оказаться какими угодно, а уж после вчерашнего Мэтт вообще не доверял своим видениям.

Когда он сбивчиво объяснил Даниэлю, что произошло, тот настоял, чтобы они поехали домой. Причем все и к нему. Мать Ли считала, что в Мэтте недостаточно ответственности, а вот Даниэлю она полностью доверяла, так что без проблем отпускала с ним куда угодно несовершеннолетнюю дочь.

Хотя попробовала бы она удержать Ли.

В итоге они полночи просидели в квартире Даниэля, и Мэтт не меньше пяти раз описал то, что видел. Ли уснула на диване, и братья переместились в уголок кухни, где Даниэль зажег настоящие свечи, пахнущие воском.

– Такого не бывало раньше, – повторял Мэтт. – Я видел призраков. Ничего больше.

– Ты видел меня. Я пока точно не призрак.

– Вот я и говорю, что это глюк.

– Не думаю, что ты сходишь с ума. Нет. Здесь что-то иное.

Мэтт хотел рассказать, что это не обычное видение – это видение во время аварии. Хотел, но почему-то слова так и не пошли, застряли где-то в горле. Казалось, если Мэтт признается, что на мгновение видел брата, когда он умер, это

выпустит из закупоренной бутылки болотную влагу, которая будет разъедать их. Снова призовет смерть.

Мэтт всеми силами бежал от этого. Он не чувствовал себя готовым вспоминать. И уж тем более облекать в слова.

Мэтт думал, что не уснет, Даниэль отмахнулся, что сам в последнее время плохо спит. Но в итоге именно Мэтт первым сдался и не раздеваясь завалился на кровать – точнее, на кинутый в углу матрас, почему-то Даниэль считал, что это лучшая постель. Он потом еще ходил по квартире, чем-то шебуршал, и Мэтт был готов поспорить, искал, чем укрыть Ли. Потому что чуть позже и на самого Мэтта опустилось тонкое одеяло.

Утром Ли так старательно готовила завтрак, что Мэтт не поморщился, когда в яичнице попадалась скорлупа. Даниэль вызвался подвезти Ли на мотоцикле на какую-то встречу.

– А потом пойдем с тобой к Бо Амброзу, – заявил он Мэтту.

Тот не возражал. Успел принять душ и переодеться в свои вещи, которые нашлись в шкафу. Подумать о том, что, возможно, видел не глюк, а страх. Собственное сознание сыграло дурную шутку, подбросив из памяти то, что он так хотел забыть и чего боялся.

Объяснение наверняка не удовлетворило бы Даниэля, поэтому, прежде чем брат начал докапываться до сути, Мэтт предложил ехать к Амброзу сразу. Даниэль не возражал.

Хотя на самом деле Мэтт предпочел бы провести воскре-

сенье в светлой квартире Дана. И там имелся отличный кондиционер и скоростной вай-фай! Хотя ладно. Он бы предпочел оказаться где угодно, но не в маленьком доме Бо Амброуза на окраине, где пахло застарелой кровью с ритуалов и колдовством под перестукивание пластиковых бусин.

Оставалось надеяться, что никаких воспоминаний из прошлого сознание не подбросит. А призраков рядом с Даниэлем и так нет.

Дверь открылась не сразу. Рассохлась. Даниэлю пришлось толкнуть несколько раз, прежде чем войти в небольшую захламленную спальню с несколькими шкапами и кроватью.

Бо Амброуз был здесь.

Ветерок из окна легонько шевелил занавески, слышался стрекот цикад, а Бо Амброуз лежал неподвижно, раскинув руки, на кровати. Массивное тело, прикрытое легким одеялом, поблескивало темной кожей.

Даниэль подошел ближе, как будто хотел убедиться, но Мэтт прекрасно понимал: брат тоже заметил, что грудь Амброуза не вздымалась от дыхания. Он мертв.

Даниэль медлил перед телом. Сжал кулаки, как будто собирался с духом. Запоздало Мэтт вспомнил, что Даниэль терпеть не мог мертвецов. Из-за того, как умерла Анаис, из-за того, что он видел во время аварии. Он изображения-то трупов не переносил, а тут реальное тело. Благо хотя бы незнакомца.

Подойдя поближе, Мэтт сам коснулся шеи Бо Амброуза,

но по тому, какой холодной оказалась кожа трупa, не сомневался, что это именно труп. Пульс, конечно, отсутствовал.

– Он мертв, – констатировал Мэтт. – Но я не вижу ни крови, ни чего-то страшного.

Амброуз выглядел грузным, но не старым, лет на сорок, хотя по мертвому лицу со щетиной Мэтт не взялся бы утверждать наверняка. Но ведь и у сорокалетних бывают сердечные приступы или что-то вроде того.

– Надо проверить.

Голос звучал глухо, но Даниэль не дрогнул. Достал из кармана холщовый мешочек и высыпал в руку немного светлого порошка. Костяная пыль. Один из любимых материалов Даниэля, он утверждал, что кости отлично впитывают любую магию.

Кости он использовал исключительно куриные, обычно тех животных, которые приносились в жертву лоя. На самом деле не так уж часто, кровь требовалась не во многих ритуалах. А костяной пыли хватало надолго.

Может, Даниэль и готовить научился, вываривая кости жертвенных куриц. По крайней мере, Мэтт считал, что аромат при этом стоит очень аппетитный.

Рука Даниэля не дрогнула, когда он высыпал костяной прах на темную грудь мертвеца и зашептал слова, которых Мэтт не мог разобрать. Наверняка заклинания вперемешку с латинскими приказами для лоя.

Частицы пыли зашевелились меж волос на груди, а потом

взмыли на пару сантиметров и растворились, исчезли, впитались в мертвую плоть.

– Он умер не сам, – коротко сказал Даниэль. – Лоа говорят, здесь замешана магия. Они не могут понять точнее.

Он развернулся и быстро вышел из комнаты, а Мэтт как зачарованный еще несколько минут смотрел на мертвеца. Интересно, а что могло показать официальное вскрытие? Вряд ли на сердце или печени Бо Амброуза найдется татуировка «умер от вуду».

Наверное, стоило проверить комнату и весь дом. Вдруг остались... ну, какие-нибудь записи о встрече с Беном. Или что-то, что расскажет о произошедшем. Мэтт затравленно огляделся по углам и понял, что ни минуты больше не хочет оставаться наедине с мертвецом.

Даниэль сидел на ступеньках, обхватив колени. Кажется, он дрожал. Неловко замаявшись у дверей, Мэтт усмехнулся:

– Зато ты сможешь подрабатывать патологоанатомом.

Даниэль кивнул, но не ответил. Вместо этого уткнулся лицом в колени, будто хотел свернуться в клубочек, скрыться от мира. Мэтт совсем растерялся. Он не привык видеть старшего брата... хрупким.

– Дай мне пару минут, – глухо сказал Даниэль. – Пожалуйста.

Мэтт кивнул, хотя Даниэль не мог его видеть. Плотно закрыл за собой обе двери в дом Амброуза, обычную деревянную и сетчатую. Потоптался, но садиться рядом с Даниэлем

не стал, облокотившись на перила крыльца.

Мэтт с теплом относился к кузинам, они были младше, и он чувствовал что-то вроде самоуверенной гордости рядом с ними. Для них он тоже старший брат, который с важным видом расскажет о жизни и точно защитит. Пусть Стелла всего на год младше и сама кого хочешь могла защитить, а Ли старательно делала вид, что ни в чем подобном не нуждалась.

Даниэль был для Мэтта всегда примерно как родители. И в отличие от них зачастую казался более... надежным. Его уверенность и умение держать всё под контролем наполняли хаотичного Мэтта спокойствием. Пусть позже Мэтт понял, что отчасти брат такой из-за лоя, которых нужно держать под контролем, это не меняло того, что он оставался крепкой мачтой посреди бушующего моря штормов.

Хрупким Даниэль был однажды, после аварии и гибели Анаис. То же время, о котором Мэтт предпочитал не думать. Поначалу Даниэль казался отстраненным и как будто... не совсем живым. Словно вернуться к жизни физически было делом пары минут, но вот во всем остальном гораздо сложнее.

С тех пор он реже улыбался, избегал трупов и так и не сошелся ни с одной другой женщиной. Мэтт тоже не заводил серьезных отношений, но был не прочь встретиться с девушкой. Даниэль же ни разу. Когда какая-нибудь красотка подходила к нему в баре, он вежливо улыбался, но сразу однозначно говорил, что его это не интересует.

Он умрет.

Вздвогнув, Мэтт замотал головой, как будто ожидал увидеть скорбного призрака, нашептывающего гадости. Окружающие дома сохраняли тишину, на крыльце, кроме них двоих, никого. Недалеко продолжала надрываться лаем собака да ровно гудели цикады.

Что за чертовщина? Глюки бывают слуховые?

Мэтт не был уверен, что правда что-то слышал. Он мог задуматься, и ему показалось.

– Агата сказала, для местных он вроде беспринципного чернорабочего.

– А?

Мэтт не сразу понял, о чем говорит Даниэль. Точнее, совсем не понял, старательно отмахиваясь от бившегося в костях «он умрет».

Даниэль выпрямился и повернулся, чтобы посмотреть на Мэтта. Как будто почувствовал что-то такое и хотел установить зрительный контакт. Это и правда помогло, Мэтт вспомнил, где он сейчас, и что перед ним Даниэль, с которым всё в порядке. Мертв только тот тип в доме.

– Бо Амброуз, – терпеливо пояснил Даниэль. – Агата говорила, он средненький хунган, больше воспринимает вуду как способ заработка. Проводит ритуалы для приезжих, берет прилично денег и даже показывает неплохой результат. Звезд с неба не хватает, местные к нему ходят редко. Но за деньги он возьмется за что угодно.

– Взятся. В прошедшем времени. Он мертв.

Мэтт тут же пожалел о своих словах, заметив, как Даниэль стиснул зубы. Он наверняка старался забыть о виде трупа, специально шел по фактам, которые приземляли и заставляли думать о насущном. А Мэтт вот так жестко выбил почву из-под ног.

Даниэль на мгновение зажмурился, стиснул кулаки, бледный, будто старающийся не рассыпаться на кусочки. Когда он открыл глаза, голос звучал ровно. Так ровно, как может звучать в тот момент, когда очень стараешься:

– Бо Амброуз выполнял магические задачи за деньги и не гнушался никакими заказами. Он умер тоже от магии. Вряд ли своей.

– Кто-то замечает следы?

Идея явно заинтересовала Даниэля и отвлекла от собственных мыслей. Мэтту тоже показалась логичной:

– Действительно, всё указывает на это. Амброуз проводит ритуал, после которого Бен в болоте с перерезанным горлом. И почти сразу же за этим сам Амброуз умирает от колдовства. Кто-то замечает следы, но следы чего?

– Убийства Бена? Тогда Амброуз лишнее звено. Если кто-то насылал проклятие, то сразу бы на Бена.

– Может, с Беном что-то пошло не по плану. Может, его не собирались убивать и смерть стала случайной. Но за Бо Амброузом кто-то стоял и не хотел, чтобы его нашли.

– Мэтт, перестань смотреть процедуралы.

– Да послушай! Что-то здесь явно нечисто и обернулось уже двумя трупами.

У Мэтта перехватило дыхание, потому что на этот раз он хоть и не услышал, но отчетливо ощутил это «он умрет». В конце концов, у Даниэля уже было плохое предчувствие. Возможно, двумя мертвецами дело не ограничится.

– Мы даже не уверены, что Амброуз причастен к смерти Бена, – сказал Даниэль.

– Он мог быть свидетелем. Он знал, что произошло. Даже если не сам убил Бена.

– Предлагаешь спросить у него?

Мэтт хотел рассмеяться, но потом понял, что Даниэль это всерьез. Он же как раз недавно проводил ритуал, где пытались связаться с мертвецом. Над свежим трупом повернуть такое легко.

Наверное, это сразу дало бы ответы на многие вопросы. Но Мэтт не был уверен, что готов сейчас встречаться с какими-то призраками и тем более требовать у них ответа. Кто знает, не потонет ли он при этом в глюках. Да и Даниэль не выглядел как человек, который жаждал возвращаться к мертвецу. Он, конечно, совершит ритуал, если нужно, но это отразится на самом Даниэле. Он и сейчас смотрел серьезно, но бледность никуда не исчезла, а руки он стискивал вместе, чтобы не видно было, как они дрожат.

– Нет, – сказал Мэтт. – Лучше еще процедуралы посмотрю. Выясним и без мертвецов. К тому же призраки врут. Ам-

броуз наплетет что угодно, ненадежный свидетель.

Вообще-то призраки охотно рассказывали о своих убийствах и вряд ли Бо Амброуз пошел бы на попятную. Но призраки действительно вралы точно так же, как и люди. Даниэля это удовлетворило, он расслабился и кивнул.

– Ты хорошо знал Бена? – спросил Мэтт. – Нет, я понимаю, плохое предчувствие и всё такое... но вдруг всё связано именно с ним?

– Ты мне не веришь?

Голос Даниэля прозвучал странно, и Мэтт покачал головой:

– В нашей семье предчувствия точнее прогноза погоды. Но я о том, что мы можем искать не там. Ты хорошо знал Бена?

– Не очень.

– Вы же с самой семинарии знакомы.

– Бен со всеми был знаком. А мы больше сдружились из-за нелюбви к Кристоферу Янгу.

– Он доставал Бена?

– Не считал его таким милым, как все остальные. Но ты прав, стоит узнать больше о Бене.

– И убраться отсюда, – добавил Мэтт. – Я рад, что рядом с тобой не вижу призраков, но готов поспорить, он где-то тут. У меня одновременно мороз по коже и пот по спине. Поехали отсюда, а?

Даниэль усмехнулся и поднялся. Они оба, кажется, ста-

рались идти неторопливо, а не бежать со всех ног, и Мэтт мог поспорить, Даниэль прикидывает, кому позвонить, чтобы сообщить о смерти Амброуза, но не называть себя. С точки зрения Мэтта, проще оставить труп и сделать вид, что их здесь не было, мертвецам плевать, когда их найдут. Но Даниэль бы такое не позволил.

Проходя мимо кривой таблички, написанной от руки, Мэтт кивнул в ее сторону:

– А почему так?

– Что?

– Никаких продаж после заката.

– Потому что в дом за амулетом может прийти не человек.

– А кто? Бродячий дух?

– Дьявол.

Уилл Беннетт и Джесси Крейн снова стояли перед квартирой Даниэля Эша.

– Можно было позвонить, – заметила Джесси.

– Пропустить выражения лица?

– Эмоции к делу не пришьешь.

– Зато они могут многое рассказать нам. Показать, в каком направлении копать.

Джесси не была согласна, но предпочитала держать сомнения при себе. То ли ей всё равно, то ли она благоразумно не хотела спорить со старшим коллегой. То ли в глубине души признавала, что он всё же прав.

По правде говоря, Уиллу плевать. Он считал себя хоро-

шим детективом и выполнял свою работу так старательно, как умел. Конечно, они не приехали сообщать ничего принципиально важного, но ему хотелось видеть лицо Даниэля, когда он поймет, что им известно.

Ужина, который приготовила Клара, хотелось больше, тем более в воскресенье, но Уилл Беннетт знал, что сможет взять лишний отгул позже, когда найдет убийцу Бенджамина Тайлера.

Если в первый раз Даниэль Эш открыл дверь быстро, то в этот раз не торопился. И на пороге стоял совсем не он.

Вместо холодной вежливости незнакомец перешел в наступление:

– Вы кто?

– Детективы Уилл Беннетт и Джессика Крейн. Мы ищем Даниэля Эша. А вы?..

– Его брат.

– Мэттью Эш, я полагаю.

– Да. Мэтт. Что вам нужно?

– Поговорить.

Мэтт повел головой, как будто хотел украдкой оглянуться, и, кажется, прикрыл дверь чуть больше.

– Сейчас не лучший момент.

Уилл нахмурился, а Джесси собралась что-то сказать, но в этот момент где-то вне зоны видимости раздался голос:

– Мэтт? Кто это?

Несколько мгновений Мэтт еще медлил, потом распахнул

дверь, приглашая войти. Уилл знал, что Даниэль живет один, а квартира Мэтта находится в менее роскошном районе, но отметил, что здесь он распорядился как дома.

Похоже, Мэтт часто бывал у брата.

– Мэтт, невежливо держать гостей на пороге. Добрый вечер, детективы. Чем могу помочь?

Почти с удивлением Уилл отметил, что Даниэль разговаривает с ними по-разному. Буквально пара фраз, конечно, но интонации сильно отличались: к брату он обращался тепло, доверительно, перед детективами же предстала идеальная маска холодной вежливости.

Мэтт проворчал что-то себе под нос, Даниэль бросил на него короткий взгляд, и на его губах мелькнула улыбка. Потом он снова посмотрел на детективов спокойно и невозмутимо.

Он выглядел болезненно-бледным и помятым, словно его только подняли с постели. У Уилла мелькнула мысль, что, возможно, Мэтт не хотел их пускать, потому что по-своему защищал брата. Глупо, конечно, с детективами стоит сотрудничать, вот Даниэль явно это понимал.

Братья могли бы казаться слишком разными, но Уилл умел подмечать детали. Внешне похожего телосложения и роста, оба темноволосые и темноглазые, видимо, семейные черты. Как и узкие лица, тонкий нос. Манеры Мэтта казались резкими, движения хаотичными, Даниэль же двигался плавно, будто хищник со скупыми жестами.

Мэтт плюхнулся в кресло, потирая пластырь на лбу, не предложив сесть детективам и скрестив руки на груди. Даниэль прислонился к спинке дивана, но точно так же скрестил руки и даже поджал губы.

Уилл не сомневался, если бы понаблюдал за братьями подольше, наверняка заметил много общего.

Пока он подмечал детали, Джесси снова вела разговор:

– Как я понимаю, мистер Эш, вы и Бенджамин Тайлер познакомились в Теологической семинарии Ковингтона?

– Именно так.

– Вы оба покинули ее примерно в одно время и обучались в университете Лойолы.

– На разных факультетах. Тогда мы мало общались.

– Но сохраняли контакт. Как часто вы виделись в последнее время?

– Иногда встречались в баре в пятницу вечером. Раз в несколько месяцев, наверное.

– В последний раз вы видели мистера Тайлера в день его смерти. А до этого?

Уилл Беннетт уловил, как Даниэль едва заметно нахмурился. Не напрягся, но нахмурился. Видимо, понял, что они выяснили.

– За неделю до этого, – ровно сказал Даниэль.

– Какой был характер той встречи?

– Личный.

– Вы виделись не в баре. А где?

– Дома у Бена. Потом ушли.

– Куда именно и что вы делали?

– На Марселевый перекресток. Я провел для него ритуал.

Мэтт зашевелился в кресле, подался вперед, и на его лице читалось удивление. Ага, отметил про себя Уилл, значит, брат ему по какой-то причине не рассказал. Любопытно.

– То есть, – продолжала Джесси, – вы встречались с мистером Тайлером за неделю до его смерти, провели вуду-ритуал. Когда он захотел повторить, вы, как утверждаете, отказались.

– Именно.

– Почему же?

– Бен сказал, что хочет помириться со своей девушкой. Я не использую вуду для подобных дел. Я отказал ему.

– И он нашел кого-то другого, кто ритуал всё-таки провел. И мистера Тайлера на нем убили.

Даниэль неопределенно пожал плечами. Видимо, решил играть в сотрудничество с полицией, но без четких утверждений. Уилл не сомневался, что он прикинул, что им и так, скорее всего, всё это известно, а значит, нет смысла недоговаривать.

Что ж, сосед Бена утверждает, что видел, как Даниэль заходил в квартиру именно неделю назад. Если повезет, смогут даже найти какие-нибудь записи с камер. Правда, бесполезно: если Даниэль провел один ритуал, это не значит, что сохранил счет второго. Он мог отказать Бену, а тот пошел ис-

кать нового колдуна, и при таком раскладе легко было притвориться, чтобы убить.

Если, конечно, это предумышленное убийство, а не случайное.

И если Даниэль Эш говорит правду и его не было в тот вечер с Беном Тайлером.

– Спасибо, мистер Эш, – сказала Джесси. – Если у нас появятся еще вопросы, мы свяжемся с вами.

– Что за ритуал? – подал голос Уилл.

Даниэль перевел взгляд на него и, казалось, оценивал. Что мог понимать в этом детектив, если задал вопрос, о котором Джесси не подумала. На самом деле Уилл куда меньше разбирался в вуду, чем хотел показать, но Даниэлю Эшу об этом знать необязательно.

– Несколько вопросов лоя, – сказал Даниэль. – Личного характера.

Что значило, он не расскажет подробностей. Уилл мог попробовать надавить, но подозревал, что с Даниэлем будет не так легко, а пока не возникло острой нужды. Бена Тайлера убили обычным ножом, перерезав горло. В этом не замешана магия.

Хотя пущенная на перекрестке кровь не давала Уиллу покоя. Но его личные заморочки не имеют отношения к делу.

Мэтт захлопнул дверь за детективами и обернулся к Даниэлю, продолжавшему облакачиваться на спинку дивана.

– Какого черта ты не сказал? – прошипел Мэтт. – Ты про-

водил ритуал для Бена! За неделю до его смерти!

Даниэль отвел взгляд:

– Я... это не казалось важным. Я не собираюсь становиться кем-то вроде Бо Амброуза. Но это был Бен, он попросил о помощи.

– Я очень рад, что ты такой отзывчивый, – едко сказал Мэтт. – Почему молчал?

– Не хотел впутывать. Не думал, что тебе интересно.

– То есть я просто так к Амброузу тащился, потому что мне неинтересно?

– Мэтт, я...

– Ты не сказал! Даже сегодня, у этого Амброуза. Я узнаю от полиции. От сраной полиции!

– Прости.

– И что хотел этот придурок, Бен? Зачем понадобился ритуал?

Даниэль молчал, и внутри Мэтта всё клокотало. Страхи сегодняшнего дня, нервозность от призраков – оно всё превратилось в чистый гнев. Как будто что-то принципиально изменилось, если б Даниэль рассказал о ритуале.

– Остальное было именно так, как я говорил, – уклончиво ответил Даниэль. – Бен снова просил ритуал, говорил, что из-за девушки.

– Дан, я тебя сейчас ударю. Что он хотел в первый раз?

– Спрашивал о смерти. Он хотел узнать о смерти. Хотел... наслать проклятие на Кристофера Янга. Когда на Марселе-

вом перекрестке он всё выложил, я отказался. Такой магией я не занимаюсь. Поэтому отказал во второй раз, подозревал, что девушка лишь предлог.

Внутри Мэтта кипела ярость, которая ничуть не стала меньше оттого, что он всё узнал.

– Ты не сказал мне о чертовой просьбе Бена.

– Бен моя проблема, а не твоя.

– Что еще ты от меня скрываешь?

Даниэль как будто отшатнулся, вцепился ладонями в спинку дивана. Он казался растерянным.

– Ничего. Мэтт, я никогда от тебя ничего не скрывал...

– Твоя проблема, говоришь? Вот и разбирайся сам. К черту всё это!

Развернувшись, Мэтт вышел из квартиры, старательно не смотря на Даниэля и не отказав себе в удовольствии громко и раздраженно хлопнуть дверью.

6. Магнолии на костях

Садовый квартал выглядел осколком старого мира.

Того, где юг расчерчивали плантации хлопка с трудящимися чернокожими рабами. Днем всё заполнял стрекот цикад, вечером над полями разносились дикие барабанные ритмы для танцев, призывавших лоя.

Предки Эшей владели землей, жили в большом доме с колоннами, который утопал в душном колониальном мареве.

Насколько Мэтт знал семейную историю, плантацию Эши

потеряли довольно быстро. Зато сколотили дело по продаже алкоголя, так что теперь большая часть бурбона на юге шла с их пепельным значком.

Ну, может, не большая. Но значительная.

Кристофер Янг происходил из подобной семьи, у них до сих пор имелись полусгнившие останки бывшего величия где-то за городом, которыми они ужасно гордились. У Эшей только фамильный особняк, купленный в тот момент, когда они распрощались с плантаторскими мечтами.

Добротный старый дом. Каждое поколение Эшей чуть перedelывало его, добавляло собственный след, порой незаметный, иногда весомый. Прабабка, например, пристроила мансарду. Бабушка создала в ней настоящую оранжерею, которую сейчас пыталась возродить Ли. Отец и дядя, когда еще был жив, обустроили чердак. Тетя организовала оружейную витрину, а мать переделала кухню, наполнив ее современной техникой.

Мэтт рисовал висельников на обоях на втором этаже и считал, что этого вклада достаточно.

Отец любил говорить, что однажды дом перейдет к его сыновьям, они тоже поселятся здесь, но Мэтт с трудом это представлял. Сегодня же остальные предпочитали квартиры или дома в городе, а в семейном особняке жили родители и дед.

Именно к нему пришел Мэтт.

Садовый квартал он терпеть не мог. Выщербленный ас-

фальт, неторопливое марево и свисающий с дубов испанский мох. В отличие от шумного центра, здесь царила умиротворенная атмосфера, хотя периодически встречались группки туристов с гидами – вот именно они и раздражали.

Мэтт обошел одну и постарался как можно незаметнее открыть кованые ворота и нырнуть внутрь. У их дома имелся высокий забор с зеленью. Раскидистые магнолии бурно цвели, наполняя воздух сладковатым ароматом и маскируя особняк от любопытных туристических взглядов. Мэтт ворчал, что не любит их сладковатый аромат, но на самом деле он всегда ассоциировался с домом. Вдохнув полной грудью, Мэтт направился к дому.

Он стоял в глубине территории, скрытый ветвями и листвой, одетый в собственную магию. Мэтт знал то ли легенду, то ли правду, что глава семейства обязательно вплетает свои чары в ткань дома. Режет жертвенную курицу, чтобы окропить стены, призывает лоя или вычерчивает символы. Добавляет частичку себя и собственную подпись.

Впрочем, Мэтт не сомневался, что дом точно каким-то образом охраняется. В нем не случалось пожаров, сюда не пробирались грабители или горящие энтузиазмом туристы. Наверное, если бы «Катрина» снесла Новый Орлеан с лица земли, особняк Эшей продолжал бы стоять невредимым. К счастью, ураган почти не затронул Садовый квартал, и он остался ровно таким, каким Мэтт помнил с детства. Даже поломанные деревья уже восстановились в прежнем величии.

А еще сюда не заходили сторонние призраки. Дом-крепость, который служил убежищем. Духи здесь обитали местные: Мэтт особенно любил в детстве слушать рассказы конфедерата с пробитой головой, своего сколько-то «пра» деда.

На крыльце отец подвесил диван-качели, они до сих пор притаились в глубине рядом с круглым напольным фонарем.

Маленьким Даниэль обожал эти качели, мог целый день с них не слезать, обычно что-то читая. Мэтт устраивался рядом, прямо на полу, рисовал, а вечерами любовался фонарем. Его и Ли обожала, но она доросла до крыльца, когда оба брата почти перестали на нем появляться.

Поднимаясь по ступенькам, усыпанным лепестками магнолий, Мэтт вспомнил, как детьми они с Даном стащили штаны отца, которые предназначались для какой-то благотворительной организации. Это Даниэль предложил вместе залезть в них: штанины были большими, и оба брата отлично в них помещались.

Они передвигались таким образом по дому, выпрыгнули на крыльцо и вот тут-то и завалились. Мэтт рухнул прямо на Даниэля, а тот радостно хохотал. Почти так же широко он ухмылялся, когда лет шесть назад вешал на входную дверь рождественское украшение – внушительный венок с черной хвоей и черепами.

Мэтт подумал, что уже очень давно не видел брата открыто улыбающимся.

Он попытался позвонить сегодня Даниэлю. Мэтт остыл

довольно быстро, но всё равно злился на брата. На улице маячили однозначные призраки, но дома Мэтт заварил травы, и они отогнали видения. Некстати вспомнилось, что о призраке бабушки Мэтт тоже Даниэлю не рассказывал. Да и наверняка много о чем еще.

В конце концов, Даниэль не обязан отчитываться. Вот если бы он скрыл, что убил Бена или что-то в этом духе – другое дело.

В общем, уже сегодня Мэтт позвонил брату, но трубку тот не взял. Ничего удивительного в этом не было, они оба частенько пренебрегали звонками. Тогда Мэтт набрал сообщение, где попытался неуклюже узнать, что тот делает вечером. Оно осталось неп прочитанным, а последний раз в сети Дан был в шесть утра.

Что значило, у него, скорее всего, какие-то дела. Возможно, с отцом в компании, будний день всё-таки. Мэтт же отработал его в субботу, поэтому промаялся немного и решил нанести визит деду.

Внутри особняка властвовали сумрак и прохлада. Ничего магического: система климат-контроля и тяжелые шторы, которые редко раззавешивали.

Мэтт замер на пороге, будто принохивающийся пес – или позволяющий дому распознать себя. В семейный особняк Мэтт не заходил давно, так давно, что тот мог и забыть его... правда, вряд ли для мест существовало понятие времени. Дом знал его. Мэтт – часть семьи.

В темной прихожей висели плащ матери и пальто отца, а на другой стороне – огромное резное зеркало в старинной раме. Рассказывали, будто оно стояло еще на плантации, которая когда-то принадлежала Эшам. Однажды Мэтт заметил Даниэля, вглядывающегося в зеркало.

– Ты там лоа видишь?

– Не-а. Представляю зазеркальный мир. Смотри! Если долго вглядываться, можно заметить, что твой двойник копирует действия, чтобы ты ни о чем не догадался.

Даниэль любил рассказывать истории, которые придумывал тут же, на ходу. Он явно унаследовал что-то от бабушки. Та говорила, что зеркала ведут на другую сторону, поэтому завесила их тканью, когда умер дядя Майкл.

Мэтту тогда исполнилось девять, он многого не понимал, почти не помнил похорон. Зато в памяти отлично сохранился вечер после, когда дом наводнили люди в черном, ели невкусную еду и вспоминали дядю.

И дед, и бабушка казались потрясенными этой смертью. Отца таким же потерянным Мэтт видел потом лишь однажды, когда Даниэль попал в аварию. Тетя Вивьен молчала и предпочитала отсиживаться в углу. Амелия занималась маленькой Ли. Мэтт до сих пор не знал, почему смерть дяди так подействовала на всю семью, но единственной, кто сохранял спокойствие, кроме детей, осталась мать. Именно она всё организовала.

А пришедшими занимался Даниэль. Беседовал с ними

весь день, ненавязчиво выпроводил после. Ему было всего четырнадцать.

Где-то в комнатах особняка играл джаз, а это значило, мать дома. Мэтт не очень хотел с ней встречаться, буквально прокрался через гостиную и поднялся по лестнице, переступив через третью ступеньку, которая поскрипывала. На втором этаже располагались спальни, и Мэтт направился к дедушкиной.

Старый дом не бывал тих. Поскрипывал паркет, тикали часы, на крыше раздавались шорохи. Гостиную заполняла массивная старинная мебель, стены прятались за деревянными панелями и обоями с цветами. От черного хода слышался перелив колокольчиков, подвешенных у двери.

В доме царило ощущение сырости, духота как будто не проникала внутрь. Словно где-то в глубине встроенных шкафов притаилась болотная вода. Пахло густым деревом, а еще черным чаем, ладаном и бурбоном. И над всем этим витал, вплетаясь, тонкий сладковатый аромат цветущих магнолий. Мэтт с удивлением подумал, что всё это плотно ассоциируется с домом и распадается на отдельных родных.

Запах ладана нес с собой Даниэль, прибавив к нему кофе. Черный чай сопровождал мать, а бурбон – отца, хотя сам он почти не пил. Тонкая вуаль сладкого апельсина – это Ли, а суховатая нота пороха – тетя Вивьен. Когда-то бабушка пахла розмарином, и аромат трав напитокывал дома, но сейчас он исчез, испарился, вьелся в потолочные балки.

На втором этаже царил медицинский запах – из комнаты деда.

Мэтт тихонько постучал, но вошел, не дожидаясь разрешения. К счастью, Бернард не спал: сидел на кровати и читал газету.

Бабка Корделия сумела провести семейную компанию через время сухого закона и Великой депрессии. Бернард не растерял состояние, сохранил его и приумножил. Мэтт помнил деда грозным и суровым, но после смерти бабушки он сильно сдал. Постепенно отошел от дел, а два года назад его разбил удар. После этого он редко выходил из дома и даже из комнаты.

Стены пропитывал запах лекарств и вездесущих магнолий, чьи ветви царапались в окно. Огромная кровать с резными столбиками занимала большую часть пространства, рядом с ней притаилась напольная лампа с тканевым абажуром. В стороне – комод, расписанный гирляндами бутонов, да шкаф.

Бернард Эш смерил внука взглядом из-под кустистых бровей, и его губы не тронула улыбка. Худой, болезненный Бернард всё равно вызывал трепет.

– Ну? Что ты опять натворил?

– Почему натворил? – опешил Мэтт.

– Ты просто так не приходишь. Значит, что-то напортачил или нужен совет.

Мэтт уселся на стул, подумав, что он, наверное, та еще

бесчувственная скотина. Он и правда не приходил к деду без повода.

– Что ты знаешь о проклятиях?

– Что это дерьмовая штука, – хмыкнул Бернард. – Энергии забирают много, а толку чуть.

– Не работают?

– Еще как работают. Но это подло, наслать проклятие. Никакого удовольствия. Еще и откат огребешь.

Дед тоже умел разговаривать с лоа напрямую, поэтому именно он в какой-то момент решительно взялся за воспитание Даниэля.

– А мы, Эши, защищены от таких штук?

Мэтт пытался спросить как будто бы невзначай, но Бернард прищурился, подозревая, что вопрос не праздный. Рассказывать подробности Мэтт не хотел, дед бы точно посчитал его параноиком. Но и забыть шепот «он умрет» никак не мог. А Даниэль своим рассказом о Бене как раз напомнил, что существуют еще и проклятия.

Мэтт почти ничего о них не знал, поэтому решил спросить у человека, который осведомлен о тайнах и колдовстве больше, чем кто бы то ни было.

К удивлению Мэтта, Бернард не стал ни хмыкать, ни спрашивать:

– Никто не защищен от проклятия. Но если эту штуку сделал Даниэль, можешь спать спокойно.

Бернард кивком указал на грудь Мэтта, где выделялся ме-

шочек гри-гри.

– Амулеты Дана мощные, – согласился Мэтт, пряча гри-гри под футболку.

– Потому что делает их очень редко. И не заряжает на всякие глупости вроде удачи. Он преуспел в защите.

Мэтт пробовал мастерить гри-гри в детстве, но чувствовал, что особой силы в них нет. Зато никто лучше его не умел смешивать травы. Он и Ли пытался обучить, у которой обнаружились природные способности к целительству. Оба не соблюдали никакой системности в обучении, и дело продвигалось медленно.

Пусть в амулеты Мэтт не умел, зато травяные чаи отлично отгоняли призраков. Это ему нужнее.

– К тому же ты Эш, – веско сказал Бернад. – У нас сильная семья и предки. Чтобы проклясть кого-то из нас, нужен действительно опытный жрец бокор и мощная жертва. Сила проклятия зависит от того, кто создает его. И от уровня защиты проклинуемого. Чаще это баловство.

Похоже, он решил, что Мэтт спрашивал о себе. Ну, ему-то вряд ли грозит сейчас проклятие.

Бернард ухмыльнулся:

– В молодости мне на порог подкинули деревянный гроб, заполненный кладбищенской землей. Маленький, с ладонь. Проклятие не сработало, я разозлился и приказал лоя выяснить, кто это сделал.

– Они узнали?

– Конечно. Мы потом с этим парнем стали лучшими друзьями. Айзек Ландри.

Мэтт и вправду слышал о нем. Сильный колдун, но умер еще до рождения Мэтта.

– Мы с ним любили ввязываться в неприятности, – продолжал Бернард. – Он потом признался, что проклинал не всерьез.

– А что с ним случилось?

– Погиб, когда мы стали играть с силами, с которыми не могли справиться. Он тоже хорошо умел в защиту, но не себя. Поэтому я выжил в том ритуале, а он так и остался мертвецом на перекрестке. После этого я решил остепениться, к тому же Эйлин повстречал.

Дед замолчал, с неожиданной грустью смотря куда-то в окно, на магнолии. Непривычно было видеть Бернарда таким, но Мэтт не мог избавиться от других мыслей. Для проклятия нужна хорошая жертва... а человеческая подойдет? А то, может, на самом деле это и правда обряд провели с Беном. Пустив его кровь.

– Но можно ведь узнать, есть ли проклятие? – заерзал на стуле Мэтт.

– Это не так легко. Когда проклятие наливает силой, попроще. Так что лучше выждать. Но ты бы и так заметил. Проклятие сложно с чем-то спутать.

– А как оно, ну, как проявляется?

– Человек начинает болеть, плохо себя чувствовать. Му-

чают бессонница и кошмары. Усталость, головные боли... и неприятности, конечно.

Некстати вспомнилось, что Даниэль плохо спит, и Мэтт почти уверился, что это точно проклятие, когда дед пронизательно посмотрел на него и хмыкнул:

– А иногда, Мэттью, нужно идти к врачу, а не списывать всё на магию. Бессонница тоже может быть по другим причинам. Как у твоего брата, например.

– Что?

– Даниэль с детства плохо спит, когда его что-то беспокоит. Точно как ваш отец. Не удивлюсь, если при важных проектах они работают ночами.

– Но проклятия тоже существуют.

– Чтобы проклясть Даниэля, нужно очень постараться. И то больше огребешь.

– Почему?

– Из-за лоя.

Дед имел дурную привычку вот так веско бросить слово, но не торопиться объяснять. Как будто наслаждался замешательством собеседника, смаковал власть, которую над ним имел. Это ужасно бесило, но Мэтт давно научился в таких случаях терпеть. Вот и теперь Бернارد выждал немного и снизошел объяснить:

– Лоя не любят проклятия. Они бы почували и предупредили.

– Их можно обмануть.

– Да. Но нужно обладать невероятной мощью или заручиться поддержкой какого-то очень сильного лоя. Поэтому и не подействовал гробик Айзека. Лоя предупредили меня о такой-то ерунде.

Теория Мэтта трещала по швам, но на всякий случай он решил не сбрасывать ее со счетов. Всё равно нужно понять, кто убил Бена. Возможно, этот человек даже опаснее, чем казалось.

Или у Мэтта действительно начинается паранойя. Отгородившись от видимых призраков, он с энтузиазмом создал воображаемых. Радостно утонул в глюках вместо того, чтобы думать о вполне реальных трупах и убийцах.

– Ты поссорился с братом.

Бернард не спрашивал, он утверждал, и Мэтт почувствовал себя неудобно.

– Не то чтобы поссорился... и с чего ты решил?

– А ты ко мне прибегал, когда вы ссорились. Жаловался на него.

– Я не собираюсь жаловаться на Дана!

– Правда?

Скрестив руки на груди, Мэтт молчал. Бернард спокойно смотрел на внука и тоже не произносил ни слова. С улицы долетел обрывок разговора: кажется, очередной гид водил туристов по Садовому кварталу, рассказывая о самых известных особняках.

– Он ни черта мне не говорит! – наконец, не выдержал

Мэтт. – Он чертовски самостоятельный, но в последнее время особенно. После аварии.

– Ты же знаешь, что там произошло. Как умерла Анаис. Вряд ли он хочет видеть еще чью-то смерть.

– Он же не виноват! Это Анаис...

– Он был там. А твой брат имеет дурную привычку чувствовать ответственность даже за направление ветра. Наверняка опасается, что, если ты влезешь в его проблемы, с тобой тоже что-то случится.

В этом не было ни капли логики... ну или примерно столько же, сколько в предположении о проклятии на основе одного глючного шепота.

Об аварии Мэтт, конечно, знал всё. Даниэль ему подробно рассказал и даже два или три раза. Хотя детали смерти Анаис выложил, когда хорошенько напился. Зато после этого его явно начало отпускать.

Больше сидеть на месте Мэтт не мог. Он подскочил со стула и начал ходить по комнате из угла в угол.

– Здесь другое, – упрямылся он. – Он даже не рассказал всего!

– Зачем?

Мэтт растерялся и остановился. В голове уже формировались возмущенные аргументы на «почему», но вопрос «зачем» поставил в тупик.

– Зачем он это сделал?

– Думал, что так отгородит меня, защитит, – сдался

Мэтт. – Он думал, это не важно. Думал, мне неинтересно!

– А ты когда-нибудь говорил, что интересно?

– Я...

– Так с какого хрена он должен это знать?

– Это же Дан!

– Ты злобная маленькая гаргулья, Мэттью, которая способна откусить руку. Если ты летаешь сам по себе и шипишь на всех, с чего Даниэль должен думать, что его-то ты посыпешь волшебной пылью? Ты в последний раз ушел из этого дома и громко хлопнул дверью. Заявил, что ничего эшевского тебе не нужно.

– Я имел в виду другое, – пробормотал Мэтт. – Всё это колдовское наследие... не хочу я видеть призраков!

Перед глазами возник окровавленный Даниэль, и Мэтт торопливо отогнал воспоминание.

– Не снова...

Бернард покачал головой и вздохнул как-то очень печально. Почти так же, когда вспоминал давнего мертвого друга. Разгладил узловатыми пальцами газету на коленях.

– Ты же знаешь, Мэттью, что твоя бабушка принесла свое колдовство. Она тоже видела призраков. Не так хорошо, как ты, но способностями обладала.

– Да. Конечно.

– Когда умер Майкл, Эйлин увидела его призрака. Видела мертвого сына с дыркой от пули.

– Я... я не знал этого...

Почему-то Мэтту ни разу не пришло в голову, что он не единственный Эш, который мог видеть что-то подобное. Да, конечно, они ощущали смерть близких. Но не призраков.

Невольно в памяти снова возникли те мрачные похороны. Может, остальные тоже что-то видели? Поэтому смерть дяди Майкла сильно повлияла на них. Мэтт ведь ничего не знал. Тщательно оберегаемая и наверняка бессмысленная тайна Эшей.

– Это раздавило Эйлин, – продолжал Бернارد. – Я хотел ей помочь. Знаешь, что она сказала? Чтобы я оставался рядом и напоминал о живых.

Никому Мэтт не говорил о том, что видел призрака Даниэля в момент его смерти. Ни деду, который наверняка догадался, ни самому Дану, который не имел об этом представления. Да уж, Мэтт достаточно недоговаривал.

Жаль, совет деда ему не поможет. Проблема в том, что живые могут быстро стать мертвецами – снова. Именно это приводило в ужас.

– Чем дольше мы живем, Мэттью, тем больше у нас мертвецов. Мы должны принимать их и двигаться дальше. Бежать от них или увязать плохая идея. Мы должны думать о живых. Пока они живы.

Возвращаться на стул не хотелось. Мэтт не чувствовал себя взрослым человеком, который владеет собой и ситуацией. Он уселся как в детстве: на пол, прижавшись спиной к комоду с нарисованными цветами. Сцепил руки и пробормотал:

– Ему плохо. После аварии. Я не знаю, как ему помочь.

– А себе?

– Что?

– Мэттью, это ты ко мне пришел, а не Даниэль. Ты ничего не сможешь, пока себе-то не поможешь.

Конечно, Мэтт уже подготавливал яростные опровержения, но они так и вязли на языке горьковатым осадком, не желая исчезать. Возражать деду не хотелось, особенно после того, что он рассказал про бабушку.

Оставался рядом и напоминал о живых.

Что ж, наверное, именно это и делал Даниэль для Мэтта. А вот сам он не знал, чем помочь даже самому себе.

– Мэри воспитала вас сомневающимися, – проворчал Бернارد.

– И в чем сомневается Дан?

– В том, что достоин. Хорошей жизни, хорошей семьи и брата. В той аварии умерла Анаис, умер он сам. Это неплохо доказало, что он не заслуживает того, что хотел.

– Но это же глупости!

– А ты разве не сомневаешься? В себе, своем даре.

Скрестив руки на груди, Мэтт насупился, но возражать не стал. Рядом с дедом он чувствовал себя нашкодившим мальчишкой. Может, за этим и приходил – Бернارد видел то, что недоступно другим, проникал в суть вещей, и вряд ли ему помогали лоя. Дед умел вправлять мозги.

– Сомнения мешают Дану говорить с тобой. А твои соб-

ственные мешают слушать. Его и призраков. Вы похожи, мой мальчик, – Бернارد хмыкнул, и тон его изменился. – Два дебила.

Закатив глаза, Мэтт поднялся на ноги. Покосился на тикающие на стене часы. В это время дед любил пить чай. Задерживаться Мэтт не собирался, но теперь думал, что можно и чаю выпить. Дед любил слушать обыденные истории из книжного, а сам с удовольствием рассказывал о прошлом. Мэтт, конечно, фыркал, но на самом деле обожал такие чаепития.

– Если так волнуешься о проклятиях, – заметил дед, – вычисти пороги и посыпь их толченым кирпичом. Неплохо помогает. Ну, и с Даниэлем поговори. Не сегодня, они с Робертом на мероприятии.

Значит, Даниэль действительно занят на работе. Он и сообщения-то вряд ли видел.

– Я буду с медом, – невозмутимо сказал Бернارد. – Черный. И не делай крепким.

Притворив за собой дверь дедушкиной комнаты, Мэтт по скрипнувшему полу отправился на кухню. Но застыл, когда ему показалось, что над головой и чуть в стороне кто-то ходит. Он замер и прислушался.

Несколько вязких мгновений царил тишина, а потом по чердаку будто кто-то пробежал и раздался негромкий детский смех. Отголосок далекого хохота, давно потерянного веселья.

– Давай же, Робби!

На чердаке играли отец и дядя Майкл, когда были маленькими. Потом они обустроили чердак, так что теперь он не был завален хламом и там оставалась милая комната, где когда-то жил дядя Майкл.

Мэтт видел его призрака пару раз. Тот ничего не говорил, не интересовался Мэттом, но сейчас, видимо, снова вернулся.

Может, призраки тоже тонут в собственных воспоминаниях.

Тряхнув головой, Мэтт подумал, что лучше бы мертвый конфедерат. Он соскучился по его историям.

Спустившись на кухню, Мэтт почти не удивился, столкнувшись с матерью. Она вытаскивала из духовки поднос с пирожками и обернулась, положив их на стол. Увидела сына и тепло улыбнулась:

– Мэтт! Как я рада.

– Здравствуй, мама.

Миниатюрная женщина, которая за всю жизнь, кажется, ни разу не воспользовалась косметикой. Впрочем, ей и не требовалось: в молодости она была очень красивой, Мэтт видел фото. Старела она тоже с элегантностью и выглядела моложе своих лет.

В черном платье, единственным украшением которого оставался серебряный крестик на цепочке. Пышные локоны небрежно собраны, никаких колец на руках.

Тетя Вивьен рассказывала, что в молодости Мэри вовсе не была замкнутой. Она ходила на вечеринки, но обладала достоинством и умела держать себя в руках. Наверное, именно это и понравилось отцу: он влюбился, женился, и Мэри всецело отдалась семье. Она работала школьной учительницей, но недолго, больше занимаясь домом. Ее не пугало колдовство и репутация Эшей, хотя она предпочитала не вникать.

С возрастом строгое католическое воспитание взяло свое, и Мэри тоже начало сносить в эту сторону. В детстве любимым наказанием для детей было поставить их на колени перед стеной с крестом и заставить молиться. Мэри искренне считала, что это поможет. Перестала после того, как Мэтт попросту уснул.

По большому счету, супруге Роберта Эша сейчас стоило быть на приеме вместе с ним, но она считала это мужским делом, возносила молитву и пекла пирожки.

Мэтт порывался сбежать, но потом подумал, что дед прав. От себя не убежишь. Да и не очень-то хотелось на самом деле. А мамины пирожки с ягодами и вправду были обалденными, от одного взгляда на их румяные бока рот Мэтта наполнился слюной. Можно и задержаться. Тем более вроде бы внезапные призраки с их предупреждениями и глюками успокоились.

Мэтт еще никогда так не ошибался.

7. Лучше бы ты умер

Даниэль ненавидел светские мероприятия, от них буквально тошнило.

А может, всё дело в том, что он не успел позавтракать. Аккуратно поставив так и не тронутый бокал с шампанским, Даниэль переместился к столику с канапе. Воздавая должное закуске, он не забывал поглядывать по сторонам.

Большой зал арендовали в помещениях бывшего сахарного завода. Теперь тут стояла черно-белая мебель, кирпич-

ные стены стильно подсвечивались, а хромированную барную стойку заставили закусками. Витые лестницы уводили на второй этаж для частных бесед без свидетелей, мягкий ковер цвета корицы под ногами скрадывал звуки.

Официально мероприятие посвящалось новой коллекции одежды из природных материалов. Ее быстро презентовали, и теперь девушки в стильных платьях, больше всего напоминавших солому, ходили среди гостей.

На самом деле нового модного дизайнера спонсировала фармацевтическая компания, которая пыталась закрепиться в регионе. Многие почему-то до сих пор считали, что порошки и снадобья от местных лучше новомодных таблеток. Даниэль не мог их винить, тем более подозревал, что компания просто отмывала деньги.

К счастью, это не их проблема. Эши никак не связаны с нынешним вечером, но здесь собрали всех, кто обычно бывал на подобных мероприятиях, видимо, для статусности. «Дом пепла» тоже планировал извлечь выгоду и поговорить с парочкой полезных людей.

Этим занялся лично отец, Роберт Эш, от Даниэля больше требовалось слушать и вежливо выказывать учтивость.

От фоновой музыки клонило в сон, а может, он слишком мало спал в последнее время. Даниэль отправил в рот еще одну канапешку, скрывая зевок.

– Даниэль.

Отец подошел почти бесшумно, в руках сжимал бокал с

шампанским, но, кажется, тоже к нему не притронулся. Высокий, темноволосый и элегантный. Строгий костюм сидел на нем как влитой.

Роберт Эш управлял делами семейной компании и мог вежливо и с улыбкой послать ко всем чертям – да так выстроить обстоятельства, что пришлось бы пойти.

Говорили, Даниэль на него похож.

– Ты спишь на ходу. Соберись.

Отец присмотрелся и едва заметно нахмурился:

– Дан, если нужно, я могу справиться один.

– Не выспался, – честно ответил Даниэль. – Думаю, знаю, что хотят скрыть из «Артуса» в документах.

– Хорошо. Поговорим об этом позже в офисе.

Отец кивнул и хотел отойти, но улыбнулся и шепнул перед этим:

– На том конце стола есть кофе. Если поторопишься, он будет горячим.

Кофе и правда нашелся, горький, черный и порядком остывший, но Даниэль обрадовался и такому. Он проследил взглядом за отцом, который вежливо улыбался как раз одному из директоров «Артуса», с которым они хотели заключить контракт. В «Артус» входило несколько новых производителей бурбона, и они искали дистрибьюторов.

Даниэль помнил свои первые подобные мероприятия, тогда отец стоял рядом и вполголоса рассказывал, кто есть кто и как себя лучше вести. Теперь этого не требовалось. Хотя

отец прав, стоит собраться. Никого не волнует, что Даниэль плохо спит и какие еще могут быть проблемы. Правда, вот если бы полиция его задержала, об этом точно судачили.

– Ох, Даниэль!

Упитанный темнокожий мужчина средних лет хлопнул его по плечу. От кого угодно такая фамильярность могла показаться неуместной, но не от Альберта Льюиса. Давний друг Роберта Эша, он знал Даниэля еще ребенком и уже тогда занимался в «Доме пепла» логистикой. Его добродушие кого угодно могло ввести в заблуждение, но деловая хватка у него как у бульдога.

– Даниэль, ты видел? Из-за дождя развезло дорогу у Пирлингтона! У нас два грузовика встало.

– Это же рядом со складом.

– Ты что, предлагаешь несколько миль коробки в руках таскать?

– Да ничего страшного, есть запас. Уже завтра грузовики доберутся.

Альберт нахмурился. Он был известным паникером, который на каждую неурядицу думал, что наступил конец света. Зато когда на самом деле грохнул ураган «Катрина», он один из немногих сохранял присутствие духа и заранее перенес склады в другой штат. Тогда это влетело в приличную сумму, но в итоге позволило обойтись без серьезных потерь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.